

ISSN: 3033-6880

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Актуальные
научные
исследования и
разработки

№ 1 / 2025

<https://currentresearch.ru/>

Главный редактор журнала:

Громов Владимир Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия

Заместитель главного редактора: Куровская Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии:

Голенко Диана Викторовна, доктор юридических наук, кафедра уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, Самара, Россия

Грунтов Игорь Олегович, доктор юридических наук, профессор, научный консультант кафедры уголовного права юридического факультета, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Дакен Джейн С., PhD, доцент уголовного правосудия и криминологии, Университет штата Сэм Хьюстон, Хантсвилл, США

Дерлич Драгана, доктор философии по криминологии, доцент, Университет Южной Джорджии, Стейтсборо, США

Иесуэ Лаура, постдокторант, доцент уголовного правосудия и криминологии, Университет штата Сэм Хьюстон, Хантсвилл, США

Кларк Валери, PhD (социология и криминология), Департамент исправительных учреждений Миннесоты, Сент-Пол, США

Клементс Ричард, кандидат юридических наук, Тилбургский университет, Тилбург, Нидерланды

Клечковска Агата, кандидат юридических наук, доцент, Польская академия наук, Варшава, Польша

Кодиркулов Хуршед Рахмонович, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Таджикский национальный университет, Душанбе, Таджикистан

Латыпов Вадим Сагитьянович, доктор юридических наук, кафедра уголовного процесса, Уфимский юридический институт МВД РФ, Уфа, Россия

Лю Ю-Сюань, PhD (уголовное правосудие), Университет Святого Иоанна, Нью-Йорк, США

Магомедова Ольга Сергеевна, доктор юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Москва, Россия

Маслова Светлана Валентиновна, доктор юридических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Мещеряков Владимир Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Морган Скайлер, PhD, доцент факультета криминологии, уголовного правосудия и управления в чрезвычайных ситуациях, Калифорнийский государственный университет Лонг-Бич, США

Наумов Вячеслав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Прихожая Людмила Евгеньевна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

Сазонова Кира Львовна, доктор юридических наук, Международный институт государственной службы и управления, РАНХиГС, Москва, Россия

Соццо Максимо, кандидат юридических наук, профессор социологии, права и криминологии, Национальный университет Литорала, Санта-Фе, Аргентина

Стикл Бен, доктор философии (управление правосудием), доцент управления уголовного правосудия, Университет штата Средний Теннесси, Мерфрисборо, США

Ся Ивэй, кандидат социологических наук, Юго-Западный университет финансов и экономики, Чэнду, Китай

Тараборин Роман Сергеевич, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публичного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кафедра теории и истории государства и права, Екатеринбург, Россия.

Углицких Дмитрий Васильевич, кандидат юридических наук, Московский областной филиал Московского университета МВД РФ им. В.Я. Кикотя, Москва

Харевич Дмитрий Людвигович, кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности, Академия МВД Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Харевич Дмитрий Людвигович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции, Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Хохрин Сергей Александрович, доктор юридических наук, юридический институт, Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия

Чугунов Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Шидловский Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Янгаева Марина Олеговна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

Учредитель и издатель:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая народная республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул.

Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: <https://currentresearch.ru/>

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-90327

ISSN: 3033-6880

Издатель: Куровская Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва

© Актуальные научные исследования и разработки, 2025 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

5.1.4. Уголовно-правовые науки

5.1.5. Международно-правовые науки

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по существу исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «Актуальные научные исследования и разработки» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту APA)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования.

Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные научные исследования и разработки» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Chief Editor:

Gromov Vladimir Gennadyevich, Doctor of Laws, Professor, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

Deputy Chief Editor: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, General Director of “Academy of Science and Education” LLC, Donetsk, Russian Federation

Editorial Board:

Golenko Diana Viktorovna, Doctor of Laws, Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University named after S.P. Korolev, Samara, Russia

Gruntov Igor Olegovich, Doctor of Laws, Professor, Research Consultant, Department of Criminal Law, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Daquin Jane C., PhD, Associate Professor, Department of Criminal Justice and Criminology, Sam Houston State University, Huntsville, USA

Derlic Dragana, PhD in Criminology, Associate Professor, Georgia Southern University, Statesboro, USA

Iesue Laura, Postdoctoral Fellow & Assistant Professor, Department of Criminal Justice and Criminology, Sam Houston State University, Huntsville, USA

Clark Valerie, PhD in Sociology and Criminology, Minnesota Department of Corrections, Saint Paul, USA

Clements Richard, PhD in Law, Tilburg University, Tilburg, Netherlands

Kleczkowska Agata, PhD in Law, Associate Professor, Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

Kodirkulov Khurshed Rakhmonovich, PhD in Law, Associate Professor, Department of International Law, Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan

Latypov Vadim Sagityanovich, Doctor of Laws, Department of Criminal Procedure, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

Liu Yu-Hsuan, PhD in Criminal Justice, St. John’s University, New York, USA

Magomedova Olga Sergeevna, Doctor of Laws, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russia

Maslova Svetlana Valentinovna, Doctor of Laws, Associate Professor, Department of Public and Municipal Administration, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Meshcheryakov Vladimir Alekseevich, Doctor of Laws, Professor, Department of Criminalistics, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Morgan Skyler, PhD, Associate Professor, Department of Criminology, Criminal Justice & Emergency Management, California State University, Long Beach, USA

Naumov Vyacheslav Viktorovich, PhD in Law, Associate Professor, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia

Prikhozhaya Lyudmila Evgenyevna, PhD in Law, Senior Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

Sazonova Kira Lvovna, Doctor of Laws, International Institute of Public Administration and Management, RANEPA, Moscow, Russia

Sozzo Maximo, PhD in Law, Professor of Sociology, Law and Criminology, National University of the Littoral, Santa Fe, Argentina

Stickle Ben, PhD in Justice Administration, Associate Professor, Middle Tennessee State

University, Murfreesboro, USA

Xia Yiwei, PhD in Sociology, Southwestern University of Finance and Economics, Chengdu, China

Taraborin Roman Sergeyevich, Doctor of Laws, Associate Professor, Head of the Department of Public Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Department of Theory and History of State and Law, Yekaterinburg, Russia.

Uglitskikh Dmitriy Vasilyevich, PhD in Law, Moscow Regional Branch, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Kharevich Dmitry Lyudvikovich, PhD in Law, Associate Professor, Department of Operational-Search Activities, Academy of the Ministry of Internal Affairs of Belarus, Minsk, Belarus

Kharevich Dmitry Lyudvikovich, PhD in Law, Associate Professor, Department of Operational-Search Activities, Faculty of Criminal Militia, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Khokhrin Sergey Aleksandrovich, Doctor of Laws, Law Institute, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia

Chugunov Aleksandr Aleksandrovich, PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head, Department of Criminal Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia

Shidlovskiy Andrey Viktorovich, PhD in Law, Associate Professor, Dean, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Yangaeva Marina Olegovna, PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminalistics, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

Founder and publisher:

LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"

Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.

INN: 9303040432

KPP: 930301001

OGRN: 1259300002103

Phone: +7 (909)679-60-04

Website: <https://currentresearch.ru/>

Media registration number: No. FS77-90327

ISSN: 3033-6880

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.

Publisher's address: Moscow

© Current Research and Development, 2025

The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:

5.1.4. Criminal law Sciences

5.1.5. International Legal Sciences

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal "Actual scientific research and Development" publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using the published materials of the journal, a link to " Current scientific research and development " is mandatory.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors 'point of view does not always coincide with the authors' point of view.

ОГЛАВЛЕНИЕ

5.1.4. Уголовно-правовые науки.....	9
Чжан С. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ КАК ПОТЕРПЕВШИЙ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 277 УК РФ	9
Тубес Б. К ВОПРОСУ О ДОПОЛНЕНИИ СТ. 18 УК РФ НОРМАМИ О НЕОСТОРОЖНОМ РЕЦИДИВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	21
Богатырев В.В. ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ОПИСАТЕЛЬНО-МОТИВИРОВОЧНОЙ ЧАСТИ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА	31
Кханна В. ПРОБЛЕМА СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В РАМКАХ ЗАОЧНОГО СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ.....	42
Гаврильченко Ю.П. СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОБОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАЛОГА КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В РАМКАХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА	52
5.1.5. Международно-правовые науки	62
Савенок А.Л. ТРУДНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАЛЮТ В МЕЖДУНАРОДНЫХ РАСЧЕТАХ	62
Марчук В.В. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА БЛОГЕРОВ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ	73
Исаева К.А. АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА УСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУКМЕКЕРСКИХ КОНТОР.....	86
Бородинова Т.Г. СООТНОШЕНИЕ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНОГО ЗАКОНА СТРАНЫ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ.....	98
Вавилин М.В. ПРАВО АДВОКАТА НА ГОНОРАР УСПЕХА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.....	108

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Научная статья

УДК 343.3

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ КАК ПОТЕРПЕВШИЙ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 277 УК РФ

**Чжан Сяошань, к.ю.н., преподаватель юридического факультета,
Гуандунский университет иностранных языков, Гуанчжоу, Китай,
zhangxiaoshan.gd@icloud.com**

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы трактовки понятия «общественный деятель» в контексте ст. 277 УК РФ. Основываясь на содержании данной нормы, не представляется возможным дать однозначное определение указанного понятия. Судебная практика также этому не способствует, где отсутствуют необходимые уточнения. Поэтому автор обращается к доктринальным основам уголовного права. Федеральное законодательство, регламентирующее деятельность общественных объединений, даёт некоторые представления об общественной деятельности, а значит, и о понятии общественного деятеля. Однако контекст ст. 277 УК РФ не учитывается. Учёные, как правило, рассматривают общественного деятеля в качестве политически активного субъекта, делая акцент именно на политическом значении деятельности, что вступает в некоторые противоречия с Федеральным законом об общественных объединениях, который к общественной деятельности относит, наряду с политической, и иные виды деятельности, значимой для общества. В статье подчёркиваются некоторые позиции, высказываемые в литературе, представляющие интерес с точки зрения трактовки общественной деятельности. В частности, обращается внимание на недопустимость расширительного толкования понятия общественной деятельности. Имеют место и высказывания относительно целесообразности исключения понятия «общественный деятель из УК РФ, что не поддерживается

автором. Излагаются идеи по внесению изменений в УК РФ в части уточнения понятия «общественный деятель».

Ключевые слова: государственный деятель, общественный деятель, политическая система, политический деятель, потерпевший, ст. 277 УК РФ, статус потерпевшего

Статья поступила в редакцию 25.04.2025, одобрена после рецензирования 25.05.2025, принята к публикации 19.06.2025.

Original article

A PUBLIC FIGURE AS A VICTIM OF A CRIME UNDER ARTICLE 277 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Xiaoshan Zhang, Candidate of Law, Lecturer of the Law Faculty, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China

Abstract

The article discusses the interpretation of the concept of "public figure" in the context of Article 277 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the content of this norm, it is not possible to give an unambiguous definition of this concept. Judicial practice also does not contribute to this, where the necessary clarifications are missing. Therefore, the author refers to the doctrinal foundations of criminal law. The federal legislation regulating the activities of public associations gives some ideas about public activities, and therefore about the concept of a public figure. However, the context of art. 277 of the Criminal Code of the Russian Federation is not taken into account. Scientists, as a rule, consider a public figure to be a politically active subject, focusing specifically on the political significance of the activity, which comes into some conflict with the Federal Law on Public Associations, which refers to public activities, along with political, and other activities significant to society. The article highlights some positions expressed in the literature that are of interest from the point of view of

interpretation of social activities. In particular, attention is drawn to the inadmissibility of an expansive interpretation. concepts of social activity. There are also statements regarding the expediency of excluding the concept of "public figure" from the Criminal Code of the Russian Federation, which is not supported by the author. Ideas on amendments to the Criminal Code of the Russian Federation in terms of clarifying the concept of "public figure" are presented.

Keywords: statesman, public figure, political system, political figure, victim, Article 277 of the Criminal Code of the Russian Federation, victim status

Введение

В российском уголовном законодательстве правовой охране отдельных категорий лиц уделяется особое внимание, чему есть определённое правовое и логическое объяснение. Среди таких категорий лиц можно отметить общественного деятеля, личность которого в ст. 277 УК РФ [1] охраняется наравне с личностью государственного деятеля. Однако ни в УК РФ, ни в разъяснениях Верховного Суда РФ не раскрыто понятие общественного деятеля. Другие нормы федерального законодательства тоже ответов на этот вопрос не дают. В литературе же взгляды на вопрос трактовки данного понятия расходятся, что характеризует тему как крайне актуальную.

Основная часть

Говоря о проблематике понимания термина «общественный деятель» в уголовно-правовом контексте в рамках настоящей статьи, не затрагивается вопрос о целесообразности специальной защиты такой категории лиц. Хотя в науке нередко высказываются сомнения о том, насколько целесообразно в качестве потерпевшего выделять данных субъектов [3, с. 230].

Основной акцент здесь делается именно на том, кого же можно включать в категорию общественных деятелей. Из содержания диспозиции ст. 277 УК РФ становится очевидным, что общественный деятель по своему статусу в контексте

уголовно-правовой охраны приравнивается именно к государственному деятелю, что даёт весьма расплывчатые представления о нем.

Признавая указанных субъектов условно равными в плане обеспечения правовой защиты, можно подчеркнуть, что общественный деятель по специфике своего статуса имеет сходство с государственным деятелем. Здесь очевидно наличие весьма значимой политической составляющей, о которой можно судить исходя из расположения ст. 277 УК РФ в числе преступлений против государства.

Соответственно, общественный деятель, так или иначе, имеет связь с существующей политической системой страны. Однако приравнивать общественного деятеля к деятелю политическому, с нашей точки зрения, можно лишь с определённой условностью, поскольку общественная деятельность с политической деятельностью во многих случаях может не иметь никаких связей. Во всяком случае, такой позиции придерживается автор.

Стоит согласиться с А.В. Яшиным в том, что диспозиция ст. 277 УК РФ не вполне чётко сформулирована. И именно это обстоятельство порождает трудности для правоприменительной деятельности, связанной с квалификацией соответствующих деяний [7, с. 59].

П.В. Сеничевой обращается внимание на субъективность, оценочность, размытость самого понятия «общественный деятель», с чем нельзя не согласиться. Более того, данным автором подчёркивается не вполне понятное урегулирование вопроса относительно того, кто и каким образом должен оценивать принадлежность конкретного лица, ставшего потерпевшим, к категории общественных деятелей. Причём подчёркивается, что следователь, прокурор и судья, являясь субъектами правоприменительной деятельности, не имеют права давать какую-либо политическую оценку деятельности того или иного субъекта [6, с. 56]. Данное обстоятельство создаёт ещё больше трудностей в разрешении вопроса о том, принадлежит ли тот или иной гражданин к категории общественных деятелей?

Стоит сказать, что в литературе понятие общественного деятеля, как и деятеля государственного, может рассматриваться и в широком, и в узком аспектах. Причём вопрос о том, какой именно из подходов является надлежащим с точки зрения законодателя, можно считать открытым. В частности, в качестве общественного деятеля может рассматриваться лицо, которое добровольно занимается деятельностью, связанной с обслуживанием политических, культурных, профессиональных нужд общества. В этом проявляется особая значимость его деятельности. Причём именно в этом выражается широкий подход [5, с. 56]. В этом случае политическая составляющая в активности общественного деятеля не является обязательной, однако, она может присутствовать, что не исключает и законодатель, исходя из фактического смысла ст. 277 УК РФ.

В качестве конкретных примеров общественных деятелей С.В. Пичугин перечисляет влиятельных медийных персон, крупных религиозных деятелей, известных писателей, журналистов, ведущих радио и телепередач, певцов, музыкантов, актеров, блогеров, занимающихся благотворительностью лиц, крупных учёных, волонтеров [5, с. 57-58]. Думается, что данный перечень может быть и далее продолжен. Однако интерес в этой связи представляют скорее не конкретные позиции из этого перечня, а сами основания, исходя из которых индивид может быть в такой перечень включён. И такие основания остаются не вполне ясными.

Указанный автор обращает внимание на то, что к категории общественных деятелей в контексте рассматриваемой статьи могут быть причислены как сторонники правящей партии, так и сторонники оппозиционных сил, при обязательном условии: их деятельность должна находиться исключительно в рамках правового поля. Соответственно, лица, деятельность которых запрещена, например, как экстремистская, не могут быть рассмотрены в качестве общественных деятелей в контексте ст. 277 УК РФ. В таком случае покушение

на них указанный автор считает необходимым рассматривать исключительно в контексте ст. 105 УК РФ [5, с. 57-58].

Указанный автор также обращает внимание на наличие непосредственной связи общественной деятельности рассматриваемой категории лиц со сферой политики. Отсюда становится очевидно, что именно политическая активность потерпевшего расценивается как обстоятельство, мотивирующее субъекта преступления на покушение в отношении общественного деятеля. Исходя из этого, данным автором подчёркивается, что научная, культурная, религиозная деятельность, находясь за рамками политической деятельности, в связи с чем покушение на такого рода субъектов не должно квалифицироваться в соответствии с ст. 277 УК РФ [5, с. 58].

Иными словами, основная деятельность общественного деятеля не всегда может быть основанием для его признания именно в качестве общественного деятеля в контексте ст. 277 УК РФ. Но она может рассматриваться как одно из условий, в том числе косвенных. Например, посягательство в отношении деятеля культуры, по мнению упомянутого автора, может быть квалифицировано по ст. 277 УК РФ именно ввиду его политической активности, а не ввиду культурной деятельности. Хотя этот вопрос представляется спорным, как и отнесение к категории общественных деятелей многих субъектов, перечисленных выше.

Примечательно, что А.А. Дегтерёв в своей диссертации указывает на недопустимость расширительного толкования круга потерпевших в контексте ст. 277 УК РФ [3, с. 236]. В то же время законодатель не конкретизирует круг таких лиц. А это означает, что потенциально в рамках правоприменительной практики круг таких лиц может рассматриваться и исходя из расширительного толкования, поскольку правоприменитель фактически оказывается свободен в решении этого вопроса.

Указанный автор, пытаясь очертить круг субъектов, подпадающих под категорию общественных деятелей, отмечает их включённость в руководство

зарегистрированных в России политических партий, общественных объединений, профессиональных и прочих союзов на федеральном или региональном уровне, либо же наличие активного участия в работе такого рода объединений [3, с. 239]. Такой подход к разрешению анализируемой проблемы видится обоснованным, причём и научно, и нормативно, поскольку и работа любых общественных объединений, и работа профессиональных союзов, и работа политических партий носит общественный характер и напрямую не нацелена на извлечение прибыли.

В этой связи нельзя обойти вниманием Федеральный закон от 19.05.1995 N 82-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об общественных объединениях» [2], в ст. 5 которого под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей.

Исходя из представленной нормы, к общественной можно отнести любую деятельность, которая подпадает под регулирование указанного Федерального закона. И деятельность политических партий является лишь одним из многих видов общественной деятельности. Исходя из этого, не представляется возможным ограничивать понятие общественного деятеля лишь сферой политической. Этот аргумент представляется состоятельным и с учётом фактического смысла ст. 277 УК РФ. Если бы законодатель рассматривал общественного деятеля исключительно в контексте политической деятельности, то в диспозиции данной статьи он упоминал бы не об общественном, а о политическом деятеле.

В контексте изложенного становится спорным вопрос о том, уместно ли относить рядовых сторонников общественного объединения к категории общественных деятелей? Многие исследователи высказываются относительно этого вопроса отрицательно, не признавая общественными деятелями рядовых членов общественных объединений. Также многие авторы к категории

общественных относят деятелей, проявляющих активность на уровне не ниже регионального, на что указывает А.А. Дегтярёв [3, с. 239-240]. Но этот вопрос представляется крайне спорным, ведь законодатель ничего относительно этого аспекта не упомянул ни в УК РФ, ни в каком-то другом источнике федерального законодательства.

Надо сказать, что отдельным исследователям не понятен сам смысл особой уголовно-правовой охраны личности общественного деятеля, в связи с чем высказываются даже идеи о целесообразности исключения такой категории потерпевших из рассматриваемой статьи. Однако особой поддержкой такие идеи не пользуются ни у законодателя, ни у научного сообщества в целом. Более того, отмечается, что подобное решение способно даже ослабить уголовно-правовую охрану российской политической системы, ведь таковая базируется в том числе и на общественных объединениях [3, с. 240].

Признавая важность политической составляющей в контексте общественной деятельности, нельзя не согласиться с А.А. Дегтеревым в том, что такая деятельность базируется исключительно на политике. Рассмотренные выше нормы федерального законодательства об общественных объединениях являются тому подтверждением. То есть политическая составляющая является лишь одной из возможных составляющих, но не обязательной. Хотя нельзя отрицать и наличие определённого политического авторитета у многих общественных деятелей, прямо не задействованных в политике.

Стоит обратить внимание на позицию П.В. Сеничевой, которая включает в категорию общественных деятелей руководителей общественных и иных объединений, в том числе политических, осуществляющих именно политическую деятельность (представители муниципальной власти, кандидаты для избрания в органы власти на всех уровнях – от муниципального до федерального) [6, с. 57-58].

Весьма спорным остаётся вопрос о допустимости признания общественным деятелем в контексте рассматриваемой статьи индивидов,

которые представляют иностранные государства и иностранные общественные объединения. Есть мнения, исходя из которых такого рода лица не должны признаваться общественными деятелями, однако их противники возражают, указывая на возможность уголовно-правовой охраны в рамках ст. 277 УК РФ и тех деятелей, которые способствуют укреплению дружеских связей России с другими государствами [3, с. 238].

Данный вопрос представляется крайне сложным. Но поскольку законодатель не даёт чёткого ответа на него, к категории общественных можно приравнивать и соответствующих иностранных граждан, во всяком случае, автор занимает именно такую позицию. Но, конечно, деятельность соответствующего лица не должна расцениваться в России как нежелательная.

Вместе с тем, сомнение в такой позиции порождает заглавие раздела 10 и главы 29 УК РФ. Поэтому однозначный ответ на указанный вопрос вряд ли можно найти. С одной стороны, посягательство на жизнь иностранного гражданина, пусть и активно занимающегося общественной деятельностью, не является посягательством на конституционный строй. Однако, такое посягательство может быть рассмотрено в контексте обеспечения безопасности государства, а именно как преступление против безопасности государства, которое подрывает дружественные связи России с другими странами, в частности со страной гражданской принадлежности соответствующего потерпевшего. В этом смысле посягательство на жизнь иностранного гражданина, ведущего активную общественную деятельность, в том числе на территории России, нацеленную на укрепление дружественных связей России с другими странами, вполне можно квалифицировать по ст. 277 УК РФ.

С учётом изложенного считаем уместным согласиться с теми авторами, которые в качестве критерия отнесения потерпевшего к категории общественных деятелей предлагают учитывать характер его деятельности, активность, масштабность, значимость для внутренней и внешней политики государства. С подобным видением соглашается, например, Ю.И. Исакова, а

также Е.В. Миллеров, которые, учитывая оценочный характер указанного понятия, предлагает его конкретизировать в примечании [4с. 141-142]. Такое предложение не лишено обоснования, и в рамках настоящей статьи, безусловно, поддерживается.

Трудности для рассмотрения данной проблематики в практическом ключе порождает фактическое отсутствие материалов судебной практики, в которых бы отражалось рассмотрение дела о покушениях на общественных деятелей, с раскрытием соответствующего понятия [5, с. 60].

Заключение

Понятие «общественный деятель» не уточнено ни законодателем, ни Верховным Судом, а потому нуждается в конкретизации. Думается, что для этой цели есть смысл дополнить ст. 277 УК РФ примечанием, раскрывающим рассматриваемое понятие. При этом важно учесть определённые нормативные основания, исходя из которых индивид может быть признан общественным деятелем.

Полагаем, что к категории общественных надлежит относить лицо, состоящее в руководстве любой общественной организации, зарегистрированной в соответствии с законодательством Российской Федерации, осуществляющей на территории Российской Федерации деятельность, не запрещённую законодательно, в том числе на муниципальном, региональном или федеральном уровнях.

К такой категории лиц целесообразно приравнивать и иностранных граждан, также лиц без гражданства, осуществляющих общественную деятельность, нацеленную на укрепление дружественных связей России с иностранными государствами.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.
3. Дегтерев А.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступлениям против основ политической системы России: дис. ... док. юрид. наук. М, 2022. 407 с.
4. Исакова Ю.И., Миллеров Е.В. Об уголовной ответственности за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 138–144.
5. Пичугин С.А. Общественный деятель как потерпевший в составе преступления, предусмотренном ст. 277 Уголовного кодекса Российской Федерации: вопросы определения и квалификации // Legal Bulletin. 2021. Т. 6, № 3. С. 54-62.
6. Сеничева П.В. К вопросу о содержании понятий «государственный деятель» и «общественный деятель» (в рамках ст. 277 Уголовного кодекса РФ) // Вестник МГОУ. Серия «Юриспруденция». 2014. № 3. С. 55-60.
7. Яшин А.В. Уголовная ответственность за преступления, связанные с посягательством на жизнь отдельных категорий лиц // Теория и практика общественного развития. 2022. № 2(168). С. 56-60.

References

1. Uголовny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 21.04.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1996. № 25. St. 2954.
2. Federal`ny`j zakon ot 19.05.1995 № 82-FZ (red. ot 28.12.2024) «Ob obshhestvenny`x ob``edineniyax» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1995. № 21. St. 1930.
3. Degterev A.A. Ugolovno-pravovy`e i kriminologicheskie problemy` protivodejstviya prestupleniyam protiv osnov politicheskoy sistemy` Rossii: dis. ... dok. yurid. nauk. M, 2022. 407 s.

4. Isakova Yu.I., Millerov E.V. Ob ugovnoj otvetstvennosti za posyagatel'stvo na zhizn' gosudarstvennogo ili obshhestvennogo deyatelya // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2024. № 2. S. 138–144.
5. Pichugin S.A. Obshhestvenny`j deyatel` kak poterpevsij v sostave prestupleniya, predusmotrennom st. 277 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: voprosy` opredeleniya i kvalifikacii // Legal Bulletin. 2021. T. 6, № 3. S. 54-62.
6. Senicheva P.V. K voprosu o sodержanii ponyatij «gosudarstvenny`j deyatel`» i «obshhestvenny`j deyatel`» (v ramkax st. 277 Ugolovnogo kodeksa RF) // Vestnik MGOU. Seriya «Yurisprudenciya». 2014. № 3. S. 55-60.
7. Yashin A.V. Ugolvnaya otvetstvennost` za prestupleniya, svyazanny`e s posyagatel'stvom na zhizn` otdel`ny`x kategorij licz // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2022. № 2(168). S. 56-60.

Научная статья

УДК 343.235.1

К ВОПРОСУ О ДОПОЛНЕНИИ СТ. 18 УК РФ НОРМАМИ О НЕОСТОРОЖНОМ РЕЦИДИВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

**Тубес Бриджит, Ph.D., Университет Гронингена: Гронинген, Нидерланды,
lexred77@gmail.com**

Аннотация

Рецидивная преступность – одна из ключевых проблем, с которой любое государство активно борется, в том числе путём ужесточения мер уголовной ответственности за совершение преступлений при рецидиве. Однако спорным остаётся вопрос о том, что же следует понимать под рецидивом. В настоящее время УК РФ, согласно ст. 18, рецидив рассматривается исключительно в аспекте умышленных преступлений, что означает игнорирование неосторожных преступлений. Тем не менее, в литературе по этому поводу ведутся споры. Разные позиции, обосновываемые в рамках таких споров относительно понимания термина «рецидив», рассматриваются в данной статье. Также обосновывается взгляд автора на проблему рецидивной преступности и трактовку термина «рецидив». Автор выступает за внедрение в УК РФ широкого подхода, исходя из которого рецидив предлагается рассматривать не только с учётом умышленных, но и с учётом неосторожных преступлений. Как итог, формулируются рекомендации по внесению изменений в УК РФ в части регулирования ответственности за преступления, совершенные при рецидиве, состоящие в расширении понимания рецидива за счет преступлений, совершаемых по неосторожности.

Ключевые слова: неосторожное преступление, неосторожный рецидив, повторное совершение преступления, рецидив, умышленное преступление

Статья поступила в редакцию 09.04.2025, одобрена после рецензирования 01.05.2025, принята к публикации 19.06.2025.

Original article

ON THE ISSUE OF SUPPLEMENTING ARTICLE 18 OF THE CRIMINAL CODE WITH NORMS ON RECKLESS RECIDIVISM

Toebe Brigit, Ph.D., University of Groningen: Groningen, Netherlands

Abstract

Recidivism is one of the key problems that any State is actively fighting, including by tightening criminal liability measures for committing crimes in case of recidivism. However, the question of what should be understood by relapse remains controversial. Currently, according to Article 18 of the Criminal Code of the Russian Federation, recidivism is considered exclusively in the aspect of intentional crimes, which means ignoring reckless crimes. Nevertheless, there is a debate about this in the literature. The various positions justified in the framework of such disputes regarding the understanding of the term "relapse" are discussed in this article. The author's view on the problem of recidivism and the interpretation of the term "recidivism" is also substantiated. The author advocates the introduction of a broad approach in the Criminal Code of the Russian Federation, based on which it is proposed to consider recidivism not only taking into account intentional, but also reckless crimes. As a result, recommendations are formulated to amend the Criminal Code of the Russian Federation regarding the regulation of liability for crimes committed during recidivism, which consist in expanding the understanding of recidivism due to crimes committed through negligence.

Keywords: reckless crime, reckless recidivism, re-commission of a crime, recidivism, intentional crime

Введение

В переводе с латинского языка слово «рецидив» означает «возвращающийся», «повторяющийся» [5, с. 159]. И уголовному праву этот

феномен известен давно, причем как российском, так и в зарубежном законодательстве. Это традиционный институт, предполагающий установление более строгих мер уголовной ответственности, о чем свидетельствуют и нормы Уголовного кодекса РФ [1] (УК РФ). Однако понимание рецидива, несмотря на его традиционность, остаётся под вопросом. Особенно с учётом действующего российского законодательства, не признающего совершение неосторожных преступлений в качестве оснований для образования рецидива.

Основная часть

В литературе проблема правовой оценки рецидива и понимания этого феномена рассматривается в самых разных аспектах. Но чаще всего акцент делается на традиционном криминологическом подходе и подходе уголовно-правовом. Каждый из них заслуживает особого внимания.

Криминологический подход можно считать наиболее широким, поскольку в его рамках рецидив рассматривается без существенных ограничений, как и само явление преступности. Иными словами, с криминологической позиции рецидив трактуется как совершение повторного преступления субъектом, который ранее привлекался к уголовной ответственности, причём независимо от таких обстоятельств, как снятие судимости и характер деяния (степень тяжести) [5, с. 159].

Ключевая особенность в том, что в контексте криминологии рецидив признаётся и в случае повторного совершения неосторожных преступных деяний, что принципиально отличается от подхода, который демонстрирует законодатель в нормах УК РФ.

Более того, в контексте криминологии игнорируется и сам факт формального снятия судимости. Такой подход, безусловно, законодателем не поддерживается, однако, он позволяет более целостно, более системно взглянуть на саму проблему преступности, и исключает игнорирование многих важных аспектов, которые так или иначе характеризуют само преступление, личность преступника и явление преступности в целом.

Уголовно-правовой подход к пониманию рецидива в большей мере отражён не в научной литературе, а именно в нормах УК РФ. Согласно ч. 1 ст. 18, рецидивом является совершение умышленного преступления субъектом, который уже имеет судимость за ранее совершенное умышленное преступление. То есть совершение лицом неосторожного преступления после умышленного рецидивом не признается, равно как и совершение умышленного преступления после совершения неосторожного преступления не признается рецидивом. Ключевую роль здесь играет и сам факт наличия или отсутствия судимости: в случае снятия судимости деяние не может быть квалифицировано как рецидив преступлений.

Важно обратить внимание и на ч. 2 и 3 ст. 18 УК РФ, которые раскрывают содержание опасного и особо опасного рецидива. В данном случае акцентировать внимание на таких нюансах нет необходимости, однако сама дифференциация такого рода деяний оценивается нами положительно.

Вопрос понимания сущности рецидива, особенно в контексте уголовно-правового регулирования, является не является исключительно проблемой терминологии; это вопрос и установления мер уголовной ответственности, поскольку ст. 68 УК РФ предусматривает ряд особенностей назначения наказания при рецидиве преступлений: такие наказания в целом являются более строгими.

Некоторые вопросы, касающиеся признания тех или иных деяний рецидивными, оказываются весьма спорными во многом ввиду чрезмерной лаконичности положений ст. 18 УК РФ, в связи с чем Верховный Суд РФ был вынужден дать некоторые разъяснения в своём Постановлении от 22.12.2015 № 58 [2] дал некоторые разъяснения, которые следует рассмотреть более пристально. Так, в п. 44 указанного Постановления говорится, что «наличие у лица, совершившего тяжкое преступление, судимости за преступление небольшой тяжести не образует рецидива преступлений. Однако совершение умышленного преступления небольшой тяжести лицом, имеющим судимость за

преступление средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое преступление, образует рецидив преступлений».

Такой взгляд Верховного Суда РФ, конечно же, порождает некоторые вопросы и сомнения в целесообразности подобного подхода в правоприменительной практике. Фактически имеет место игнорирование факта совершения даже умышленных преступлений, пусть и характеризующихся небольшой тяжестью. И такой взгляд на преступность в целом и рецидивную преступность в частности автор считает не вполне обоснованным. Хотя, если исходить из политики гуманизации уголовного законодательства, то законодателя понять можно. Тем не менее, указанный подход уместно пересмотреть.

Спорным представляется и отношение законодателя к судимости, являющейся фактором, учитываемым при оценке деяния с позиции рецидива. В п. 44 указанного Постановления говорится, снятая, в том числе в порядке, установленном ч. 1 ст. 74 УК РФ, или погашенная до совершения нового преступления судимость не образует рецидива преступлений. Однако наличие судимости (за исключением судимостей, перечисленных в ч. 4 ст. 18 УК РФ), снятой или погашенной после совершения нового преступления в порядке, установленном ст. 86 УК РФ, образует рецидив преступлений, поскольку наличие рецидива преступлений устанавливается на момент совершения преступления [2].

Несмотря на то, что автор не поддерживает в целом подход законодателя и Верховного Суда РФ в части оценки рецидивных преступлений, само рассмотренное Постановление представляется крайне важным с точки зрения обеспечения единообразия правоприменительной практики. Это становится очевидным, если обратиться к отдельным делам, которые рассматривались судами и в том числе в порядке обжалования находились на рассмотрении в Верховном Суде. Одно из таких дел касалось деяния гражданина А., неоднократно судимого за различные преступления, в том числе связанные с

посягательством на жизнь, здоровье и чужое имущество. Совершенное им преступление было расценено судом первой инстанции как основание для признания рецидива. В апелляционном порядке приговор обжалован не был, а суд кассационной инстанции оставил его в силе. Верховный Суд РФ их позицию не поддержал, отметив, что на момент совершения преступлений по обжалуемому приговору у А. не имелось судимостей, которые могли бы учитываться при признании в его действиях рецидива преступлений. На этом основании приговор был изменен: из него исключили указание на наличие рецидива и опасного рецидива преступлений, а также на учет рецидива преступлений в качестве отягчающего наказание обстоятельства, в результате чего наказание смягчено [3].

Таким образом, и в судебной практике, главным образом, в судах первой инстанции, имеют место весьма существенные нарушения норм материального законодательства в части оценки деяний с позиции рецидива. Причём в рамках дальнейшего обжалования нарушения, допущенные судом первой инстанции, зачастую игнорируются. Такая проблема представляется не случайной, так как сами нормы в части оценки рецидивных деяний или тех, которые с ними сходны, отличаются сложностью.

Однако даже если не учитывать проблем правоприменительной практики, взгляды на рецидив в науке не отличаются единством. Возженникова. На эту проблему обращает особое внимание. Указывая на достаточно широкую распространённость взглядов, исходя из которых понимать рецидив надлежит именно более широко. Включать в него. В том числе и преступления, совершенные по неосторожности [4, с. 57]. Конечно, такие взгляды вполне объяснимы.

Одновременно с этим высказывается мнение и о том, что деяния, носящие неосторожный характер, имеют особое правовое значение и должны рассматриваться отдельно именно в качестве неосторожного рецидива. Совершение неосторожных деяний повторно, так или иначе, является

подтверждением наличия определённой склонности относиться легко к противоправным деяниям, по мнению некоторых авторов [4, с. 57]. Хотя всегда представляется возможным говорить о том, что лицо, совершившее деяние при рецидиве, пусть и неосторожное, именно легко относится к правонарушениям, ведь не исключено, что деяние может быть совершено под влиянием разного рода провоцирующих факторов.

Но даже среди сторонников идеи введения неосторожного рецидива нет определённого единодушия. Например, К.Н. Радченко, характеризуя неосторожный рецидив, отмечает его независимость от формы вины [6, с. 217]. То есть совершение как неосторожного преступления после умышленного, так и умышленного после неосторожного им рассматривается в качестве неосторожного рецидива. С этим взглядом можно поспорить. С нашей точки зрения, неосторожным можно признать только тот рецидив, который отражает совершение неосторожного преступления при наличии судимости за неосторожное. В случае же, когда имеет место совершение умышленного преступления после неосторожного либо неосторожного преступления после умышленного уместно расценивать как смешанный рецидив.

Ставя под сомнение используемый в настоящее время законодателем подход к оценке деяния как рецидива, нельзя не отметить относительно низкую долю неосторожных преступных деяний (около 4%) [4, с. 58]. Но и такие деяния способны причинить колоссальный вред охраняемым законом интересам [7, с. 151]. С учетом этого обстоятельства в данной статье и обосновывается идея расширения понятия рецидива.

Таким образом, российский законодатель рецидив рассматривает в узком аспекте, исключая при решении вопроса о рецидиве учет преступлений, совершенных по неосторожности. С точки зрения гуманизации уголовного законодательства такой подход оправдан, однако он ведёт к игнорированию соответствующих категорий преступлений и отдельных характеристик личности

виновного при решении вопроса о назначении меры наказания. По этой причине используемый в настоящее время подход есть смысл пересмотреть

Заключение

В целях разрешения выявленных проблем предлагается внести в ст. 18 УК РФ следующие изменения:

1. Ч. 1 ст. 18 изложить в следующей редакции:

«Рецидивом преступлений признается совершение преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление.» (данная мера позволить учесть при решении вопроса о рецидиве не только умышленных преступлений, но и преступлений, совершенных по неосторожности).

2. Дополнить ст. 18:

1) частью 1.1 следующего содержания:

«Рецидив преступлений признается умышленным при совершении умышленного преступления лицом, имеющим судимость за умышленное преступление.»

2) частью 1.2 следующего содержания:

«Рецидив преступлений признается неосторожным при совершении преступления по неосторожности лицом, имеющим судимость за преступление, совершенное по неосторожности.»

3) частью 1.3 следующего содержания:

«Рецидив преступлений признается смешанным при совершении преступления по неосторожности лицом, имеющим судимость за умышленное преступление либо при совершении умышленного преступления лицом, имеющим судимость за совершение преступления по неосторожности.»

3. Признать утратившими силу п. «а» и «б» ч. 4 (данная мера позволит учитывать при оценке деяния как рецидива так же судимостей за умышленные преступления небольшой тяжести и преступления, совершенные лицом в возрасте до 18 лет).

В этом случае должен быть дифференцирован и подход к назначению наказания. Соответственно, наиболее строгими должны быть наказания за умышленный рецидив, менее строгими – за рецидив неосторожный.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Обзор практики Верховного Суда РФ по применению норм уголовного закона о назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера (по материалам уголовных дел, рассмотренных в кассационном порядке) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Возжанникова И.Г. Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 238 с.
5. Поздняков Ю.А., Пасынков В.В. Современное состояние рецидивной преступности в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 10-3(73). С. 158-161.
6. Радченко К.Н. Криминологические аспекты неосторожного рецидива // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2019. № 3. С. 217-219.
7. Южанин В.Е., Пантюхина И.В. Судимость и ее правовые последствия // Юридическая гносеология. 2025. № 2. С. 147-154.

References

1. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 21.04.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1996. № 25. St. 2954.

2. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 22.12.2015 № 58 (red. ot 18.12.2018) «O praktike naznacheniya sudami Rossijskoj Federacii ugovnogo nakazaniya» // SPS «Konsul`tantPlyus».
3. Obzor praktiki Verxovnogo Suda RF po primeneniyu norm ugovnogo zakona o naznachenii nakazaniya i iny`x mer ugovno-pravovogo xarakteru (po materialam ugovny`x del, rassmotrenny`x v kassacionnom poryadke) (utv. Prezidiumom Verxovnogo Suda RF 18.12.2024) // SPS «Konsul`tantPlyus».
4. Vozzhannikova I.G. Recidiv prestuplenij v ugovnom prave rossii: ponyatie, vidy`, znachenie: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2014. 238 s.
5. Pozdnyakov Yu.A., Pasy`nkov V.V. Sovremennoe sostoyanie recidivnoj prestupnosti v Rossii // Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2022. № 10-3(73). S. 158-161.
6. Radchenko K.N. Kriminologicheskie aspekty` neostorozhnogo recidiva // Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii. 2019. № 3. S. 217-219.
7. Yuzhanin V.E., Pantyuxina I.V. Sudimost` i ee pravovy`e posledstviya // Yuridicheskaya gnoseologiya. 2025. № 2. S. 147-154.

Научная статья

УДК 343.15

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ОПИСАТЕЛЬНО-МОТИВИРОВОЧНОЙ ЧАСТИ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА

Богатырев Валерий Викторович, д.ю.н., профессор, Юридический институт Владимирского государственного университета, Владимир, Россия, uglickdmv.msk@outlook.com

Аннотация

Нормативное определение содержания приговора, в том числе его описательно-мотивировочной части, - один из важнейших аспектов уголовно-процессуального законодательства, который не лишён и недостатков. Особенно этот аспект значим в случаях вынесения обвинительного приговора. Поэтому в статье предпринята попытка изучить основные проблемы правового регулирования содержания описательно-мотивировочной части именно такого приговора. Дана общая характеристика структуры приговора и содержания его описательно-мотивировочной части при обвинительном вердикте; идентифицированы некоторые проблемы, играющие наиболее существенную роль в решении вопроса обеспечения прав и законных интересов человека в уголовном процессе. С учетом разъяснений Пленума Верховного Суда РФ затронут вопрос описание оценочных признаков деяния в приговоре. Актуальная проблематика проиллюстрирована некоторыми примерами судебной практики, когда важные обстоятельства содеянного в приговоре суда первой инстанции не были описаны. Предложено рассмотреть вопрос внесения изменений в ст. 307 УПК РФ, а именно расширить положения п. 1 и 2 данной статьи в части описания преступного деяния, в том числе способа его совершения, а также в части описания доказательств с учетом их оценки.

Ключевые слова: обвинительный приговор, обоснование обвинения, описательно-мотивировочная часть приговора содержание приговора, структура приговора, усмотрение судьи

Статья поступила в редакцию 09.04.2025, одобрена после рецензирования 18.05.2025, принята к публикации 19.06.2025.

Original article

PROBLEMS OF REGULATING THE CONTENT OF THE DESCRIPTIVE AND MOTIVATIONAL PART OF A GUILTY VERDICT

**Bogatyrev Valery Viktorovich, Doctor of Law, Professor, Law Institute,
Vladimir State University, Vladimir, Russia**

Abstract

The normative definition of the content of a sentence, including its descriptive and motivational part, is one of the most important aspects of criminal procedure legislation, which is not without drawbacks. This aspect is especially important in cases of conviction. Therefore, the article attempts to study the main problems of legal regulation of the content of the descriptive and motivational part of just such a sentence. A general description of the structure of the verdict and the content of its descriptive and motivational part in the indictment is given.; Some problems that play the most significant role in solving the issue of ensuring human rights and legitimate interests in criminal proceedings have been identified. Taking into account the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, the issue of describing the evaluative features of the act in the verdict is raised. The current problem is illustrated by some examples of judicial practice, when important circumstances of the deed were not described in the verdict of the court of first instance. It is proposed to consider making amendments to Article 307 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, namely, to expand the provisions of paragraph 1 and 2 of this article in terms of the description of the criminal act, including the method of its commission, as well as in terms of the description of evidence, taking into account their assessment.

Keywords: guilty verdict, substantiation of the charge, descriptive and motivational part of the verdict, content of the verdict, structure of the sentence, discretion of the judge

Введение

Ст. 297 Уголовно-процессуального кодекса РФ [1] (далее также – УПК РФ) в качестве критериев, которым должен соответствовать любой приговор, предусматривает законность, обоснованность и справедливость. Условиями соответствия приговора указанным критериям являются его постановление на основе требований УПК РФ и исходя из правильного применения норм уголовного законодательства.

О соответствии приговора указанным критериям возможно сделать вывод лишь опираясь на его конкретное содержание в целом, а значит и на содержание его элементов (частей), в том числе описательно-мотивировочной части.

Законодатель устанавливает определённые требования к содержанию приговора, в том числе к указанной описательно-мотивировочной части. В своей практике суды в целом этим требованиям следуют. Однако нельзя сказать о том, что такая практика совершенна, как и само законодательство, регламентирующее данный аспект. Поэтому имеют место определённые проблемы, заслуживающие внимания и законодателя, и исследователей. Они поднимаются в настоящей статье.

Основная часть

Говоря именно об обвинительном приговоре, который ч. 1 ст. 302 УПК РФ противопоставляет приговору оправдательному, стоит отметить, что роль и проблематика первого наиболее существенна, поскольку его вынесение связано с лишением или же ограничением гражданина в определённых правах, гарантированных конституционными нормами; при этом абсолютное большинство приговоров носит обвинительный характер. Очевиден явный обвинительный уклон, о чем свидетельствуют данные судебной статистики,

согласно которым, в 2024 г. судами общей юрисдикции и мировыми судьями обвинительные приговоры были вынесены в отношении 534 444 лиц, а оправдательные – в отношении 1 798 лиц [2].

И хотя вынесение приговора, каким бы он ни был, рассматривается именно как легитимная деятельность государства, вопросы обоснования обвинительного приговора актуальности своей не утрачивают. Поэтому авторы УПК РФ совершенно справедливо стремились детализировать нормы о приговоре, в том числе регламентируя его структурность.

Согласно ст. 304–308 УПК РФ, любой приговор включает в себя последовательно расположенные три части:

- вводную;
- описательно-мотивировочную;
- резолютивную.

Требования к каждой из них отражены в отдельной статье, что свидетельствует об особом самостоятельном правовом значении каждой части приговора, в том числе и описательно-мотивировочной части обвинительного приговора, которой специально посвящена ст. 307 УПК РФ.

Указанная статья в качестве обязательных элементов содержания рассматриваемой части приговора предусматривает:

- описание доказанного преступления;
- доказательства;
- указание смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства.
- мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению наказания;
- доказательства, на которых основаны выводы суда о конфискации имущества;
- обоснование принятых решений по иным вопросам, указанным в ст. 299 УПК РФ.

Отдельные положения ст. 307 УПК РФ стоит рассмотреть максимально пристально. Здесь, прежде всего, обратим внимание на п. 1, исходя из которого

предписывается максимально детально описывать содеянное, указывая, в том числе:

- место;
- время;
- способ совершения;
- форму вины;
- мотивы преступника;
- цели;
- последствия.

Такой подход вряд ли нуждается в аргументации, так как не вызывает сомнений принципиальная важность максимальной конкретизации инкриминируемого гражданину деяния, в том числе из соображений обеспечения возможности в дальнейшем обжаловать приговор, выявлять возможные нарушения и несоответствие приговора законодательно установленным требованиям.

Немаловажной составляющей является и описание доказательств, причём не только тех, которые суд решил принять, но и тех, которые по тем или иным причинам были им отклонены. Причём принципиально важным условием является и указание на конкретные мотивы, исходя из которых те или иные доказательства суд отверг.

Не менее важными являются и вопросы, касающиеся оценки деяния и личности самого подсудимого с позиции наличия или отсутствия смягчающих и отягчающих обстоятельств. Аналогичный вывод можно сделать и о мотивах решения всех вопросов, касающихся наказания.

Примечательно, что основные положения ст. 307 УПК РФ, имевшиеся в ее первоначальной редакции, не претерпевали пересмотра, чего нельзя сказать о п. 4.1, который был введён в указанную статью 2006 г. и неоднократно пересматривался (дважды в 2014 г. и один раз в 2024 г.). То есть в целом взгляды законодателя на содержание описательно-мотивировочной части

обвинительного приговора остаются относительно стабильными, чему стоит дать положительную оценку.

Но проблематику самих правовых норм вряд ли возможно выявить, лишь опираясь на их анализ. Для этого надлежит обратиться к научным трудам и материалам судебной практики. Однако сомнений нет в том, что данная проблематика в целом может быть подразделена на две составляющие: описательную и мотивировочную. Хотя условно эти аспекты находятся друг с другом в неразрывной связи, ни могут анализироваться и в комплексе.

И.И. Писаревский, разграничивая данные аспекты и анализируя проблематику содержания приговора, в том числе в его описательно-мотивировочной части, подчёркивает предельную лаконичность формулировок ст. 305 и 307 УПК РФ, из которых, по его мнению, нельзя сделать вывод о наличии обязанности судьи закреплять процесс познания, который, привёл к соответствующим выводам в рамках приговора. Более того, исходя из буквального содержание формулировок указанных статей, по его мнению, следует вывод о достаточности и простого перечисления всех доказательств. И такой подход законодателя, с точки зрения указанного автора, не может рассматриваться как соответствующий пониманию права на судебную защиту, которое сопряжено с необходимостью отражения оснований принимаемых решений, в том числе и для обеспечения права на обжалование и демонстрацию осуществления правосудия именно надлежащим образом [7, с. 90–91]. То есть необходимая детализированность описательной составляющей является необходимым условием и мотивировки решения, которая, очевидно, тоже должна быть предельно детальна.

Упомянутым автором отмечается особая роль внешнего выражения обоснованности приговора как необходимое условие и отражение таких характеристик доказательств, как их относимость, допустимость, достоверность и достаточность [7, с. 96–97], так как с позиции соответствия указанным характеристикам УПК РФ предписывает оценивать любое доказательство. А это

означает и недопустимость избегать указания в приговоре на такие аспекты как оценка доказательств на предмет соответствия критериям относимости, достоверности, допустимости, достаточности. Иначе может создаться впечатление о том, что приговор является не вполне справедливым, не вполне обоснованным, не вполне законным, в том числе и у представителей общественности, которые тоже имеют доступ к судебным актам, в случае их размещения на официальных Интернет-ресурсах. Особенно это важно в делах резонансных.

Обеспечение максимальной детальности описательно-мотивировочной части важно и по той причине, что в целом обоснованность приговора состоит в соответствии выводов судьи конкретным обстоятельствам дела, которые подлежат доказыванию [7, с. 97]. Именно эти обстоятельства принципиально важно отразить в описательной-мотивировочной части. И чем более детально они будут отражены, тем меньше сомнений останется в законности, обоснованности, справедливости приговора. А если такие сомнения будут оправданными, то сама детализация значимых обстоятельств будет способствовать более эффективной защите интересов подсудимого в рамках обжалования дела.

Следует поддержать мнение Т.В. Ивановой в том, что в аргументации, приводимой в приговоре, важно не столько количество, сколько качество аргументов [6, с. 54]. Это не стоит расценивать как повод отказываться от детализации тех обстоятельств и мотивов, которые, по мнению суда, являются менее значимыми или вовсе не значимыми.

Подтверждая изложенные выводы, обратимся к позиции Пленума Верховного Суда РФ, который в Постановлении от 29.11.2016 № 55 [3] дал ряд разъяснений относительно описательно-мотивировочной части приговора, причём особое внимание было уделено приговору, постановленному в особом порядке. В частности, в п. 19 данного документа подчёркнута недопустимость простого указания на оценочные категории, если таковые имеются. В таком

случае обязательным является приведение конкретных обстоятельств, которые дают основания для вывода о наличии того или иного оценочного признака (корыстная заинтересованность, тяжкие последствия, существенный характер вреда и пр.). К сожалению, насколько именно надлежит детализировать такое описание, Пленум не уточнил.

Но каким бы детальным ни было описание оценочных признаков, этот вопрос всегда остаётся на усмотрение судьи, а критерии свободы усмотрения судьи определить практически невозможно [8, с. 11].

Тем не менее, при анализе содержания многих приговоров в описательно-мотивировочной части создаётся впечатление о неполном их соответствии требованиям, изложенным в ст. 307 УПК РФ. Например, Приговор Бежицкого районного суда г. Брянска, постановленный в особом порядке в отношении гражданина П. по ст. 171.4 УК РФ, в целом содержал достаточно детальное описание деяния. Но многие обстоятельства, которые можно было бы оценить как весьма значимые, в нём не были отражены. В частности, было указано, что подсудимый продал гражданину Я. за 100 руб. бутылку спиртосодержащей продукции (самогона) уточнением времени, места продажи, характеристик алкоголя. Но суд не отметил, каким образом именно был произведён расчет (наличными средствами или денежным переводом), кто именно стал инициатором указанной сделки. Не было указано и на материальное положение осуждённого (в наличие или отсутствие тяжёлых жизненных обстоятельств [5]).

Конечно, такой подход к изложению обстоятельств деяния и описательно-мотивировочной части во многом обусловлен особым порядком производства. При рассмотрении дел в общем порядке описание обстоятельств, как правило, более детализированное [4].

Заключение

Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора представляется элементом, содержание которого важно, в том числе, и для последующей правовой оценки адвокатом подсудимого, а также вышестоящими

судебными инстанциями с точки зрения соответствия принципам законности, обоснованности, справедливости. Причем решающее значение зачастую имеет именно детальная аргументация, ориентация на которую позволяет формулировать позицию при апелляционном обжаловании [9], Законодательство, несмотря на широкий перечень обстоятельств, приведенных в ст. 307 УПК РФ, не требует представлять в приговоре всю значимую информацию, дающую представление о содеянном и личности субъекта, а также об обоснованности выводом суда.

В целях искоренения данного недостатка автор предлагает рассмотреть вопрос о внесении следующих изменений в ст. 307 УПК РФ, предусматривающих изложение п. 1 и 2 в новой редакции, согласно которой, описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать:

«1) *подробное* описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, *подробным описанием* способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления;

2) доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, *обоснованную оценку каждого из доказательств на соответствие критериям относимости, допустимости, достоверности, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства;*».

В целом смысл предлагаемых изменений заключён в том, чтобы уточнить, что описание деяний должно быть подробным, как и описание способа его совершения, а описание доказательств должно сопровождаться обоснованием оценки каждого из них с позиций относимости, допустимости, достоверности.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (I ч.). Ст. 4921.

2. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2024 г. (по сост. на 17.04.2025) // Официальный портал Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942>
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874/
4. Приговор Читинского районного суда Забайкальского края от 04.03.2022 по делу № 1-106/2022// Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/350025116>
5. Приговор Бежицкого районного суда г. Брянска от 11.03.2022 по делу № 1-146/2022 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/350099506>
6. Иванова Т.В. Аргументация и языковое оформление описательно-мотивировочной части судебного приговора // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, № 3. С. 30–34.
7. Писаревский И.И. Обоснованность и мотивированность приговора в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2019. 317 с.
8. Синицын А.А. Оценка достаточности доказательств судом при постановлении приговоров: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. 209 с.
9. Приняты поправки в УПК об оптимизации судебного процесса // Официальный портал Адвокатской газеты. 20.12.2022. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/prinyaty-popravki-v-upk-ob-optimizatsii-sudebnogo-protssessa/>

References

1. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2001. № 52 (I ch.). St. 4921.

2. Otchet o rabote sudov obshej yurisdikcii po rassmotreniyu ugovny`x del po pervoj instancii za 12 mesyacev 2024 g. (po sost. na 17.04.2025) // Oficial`ny`j portal Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942>
3. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29.11.2016 № 55 «O sudebnom prigovore» // SPS «Konsul`tantPlyus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874/
4. Prigovor Chitinskogo rajonnogo suda Zabajkal`skogo kraja ot 04.03.2022 po delu № 1-106/2022// Arxiv reshenij arbitrazhny`x sudov i sudov obshej yurisdikcii. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/350025116>
5. Prigovor Bezhiczkogo rajonnogo suda g. Bryanska ot 11.03.2022 po delu № 1-146/2022 // Arxiv reshenij arbitrazhny`x sudov i sudov obshej yurisdikcii. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/350099506>
6. Ivanova T.V. Argumentaciya i yazy`kovoje oformlenie opisatel`no-motivirovochnoj chasti sudebnogo prigovora // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika. 2012. T. 12, № 3. S. 30–34.
7. Pisarevskij I.I. Obosnovannost` i motivirovannost` prigovora v rossijskom ugovnom processe: dis. ... kand. jurid. nauk. Tomsk, 2019. 317 s.
8. Sinicyn A.A. Ocenka dostatochnosti dokazatel`stv sudom pri postanovlenii prigovorov: dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2023. 209 s.
9. Prinyaty` popravki v UPK ob optimizacii sudebnogo processa // Oficial`ny`j portal Advokatskoj gazety`. 20.12.2022. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/prinyaty-popravki-v-upk-ob-optimizatsii-sudebnogo-protsesta/>

Научная статья

УДК 343.151.4

ПРОБЛЕМА СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В РАМКАХ ЗАОЧНОГО СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Кханна Вандита, Ph.D., Кёльнский университет, Кёльн, Северный Рейн-Вестфалия, Германия, vanditakhanna.de@icloud.com

Аннотация

Соблюдение принципа презумпции невиновности – одна из острейших проблем заочного судебного разбирательства по уголовному делу. Ее актуальность следует из закрепления данного принципа в нормах Конституции РФ, УК РФ и УПК РФ. Одновременно с этим и возможность заочного судебного разбирательства получила закрепление на конституционном уровне, хотя без конкретных ограничений. В статье раскрыты четыре вида заочного разбирательства в зависимости от оснований его назначения в рамках уголовного процесса. Главное внимание обращено на предусмотренный ч. 5 ст. 247 УПК РФ случай, когда преследуемый гражданин находится за пределами Российской Федерации и (или) скрывается от уголовного преследования. Несмотря на наличие конкретных оснований уголовного преследования, в статье подчёркивается особая важность соблюдения принципа презумпции невиновности, а такой принцип может быть соблюден, по мнению автора, лишь при непосредственном участии самого гражданина в уголовном процессе. Отмечаются позиции, высказываемые в литературе, исходя из которых заочное разбирательство не способствует полноценному соблюдению принципов уголовного процесса, в том числе и презумпции невиновности. Оспариваются взгляды тех исследователей, которые не усматривают особой специфики в заочном производстве. Предлагается внести изменения в УПК РФ, ограничив возможности заочного производства по уголовным делам.

Ключевые слова: заочное судебное разбирательство, подсудимый, права человека, презумпция невиновности, принципы уголовного судопроизводства, уголовная ответственность

Статья поступила в редакцию 20.03.2025, одобрена после рецензирования 12.04.2025, принята к публикации 19.06.2025.

Original article

THE PROBLEM OF OBSERVING THE PRINCIPLE OF PRESUMPTION OF INNOCENCE IN THE FRAMEWORK OF A CRIMINAL TRIAL IN ABSENTIA

Vandita Khanna, Ph.D., University of Cologne, Cologne, North Rhine-Westphalia, Germany

Abstract

Compliance with the principle of the presumption of innocence is one of the most acute problems of a criminal trial in absentia. Its relevance follows from the consolidation of this principle in the norms of the Constitution of the Russian Federation, the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. At the same time, the possibility of a trial in absentia was consolidated at the constitutional level, although without specific restrictions. The article reveals four types of absentee proceedings, depending on the grounds for their appointment in the framework of criminal proceedings. The main attention is paid to the provided for in Part 5 of art. 247 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is a case when a persecuted citizen is outside the Russian Federation and (or) is hiding from criminal prosecution. Despite the existence of specific grounds for criminal prosecution, the article emphasizes the special importance of observing the principle of presumption of innocence, and such a principle can be respected, according to the author, only with the direct participation of the citizen himself in the criminal process. The positions expressed in the literature are noted, based on which the trial in absentia

does not contribute to the full observance of the principles of the criminal process, including the presumption of innocence. The views of those researchers who do not see any special specifics in correspondence production are disputed. It is proposed to amend the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, limiting the possibilities of absentee proceedings in criminal cases.

Keywords: trial in absentia, defendant, human rights, presumption of innocence, principles of criminal procedure, criminal liability

Введение

Презумпция невиновности – традиционный принцип уголовной ответственности, получивший в современной российской правовой системе закрепление сначала в ст. 49 Конституции РФ [1], а далее – в ст. 5 Уголовного кодекса РФ [2] ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ [3]. Он не подвергается сомнению формально, являясь важнейшей гарантией прав и свобод человека, и ему в целом следуют как законодатель, так и правоприменители в лице правоохранительных и судебных органов.

Но все же есть комплекс весьма проблемных вопросов, связанных с реализацией указанного принципа, которые касаются заочного разбирательства по уголовным делам и, соответственно, вынесения приговора заочно, поскольку в таком случае не предполагается участие в процессе самого подсудимого и его адвоката.

Основная часть

УПК РФ содержит ряд норм, которые предусматривают заочное разбирательство по уголовному делу, и условно можно выделить четыре вида такого разбирательства:

Первый вид обусловлен ч. 5 ст. 247 УПК РФ и предполагает производство судебного разбирательства в отсутствие подсудимого условия его нахождения за пределами Российской Федерации и (или) уклонения от явки в суд, причём по делам о тяжких, особо тяжких преступлениях, а также по делам о некоторых

преступлениях небольшой и средней тяжести, перечень которых представлен в указанной норме. Отличие такого вида в том, что согласие самого подсудимого и даже уведомление о производстве не требуется.

Другой вид заочного разбирательства предусмотрен ч. 4 ст. 247 УПК РФ и позволяет в отсутствие подсудимого рассматривать дела исключительно небольшой либо средней тяжести, причем именно на основании его ходатайства. Такое основание принципиально отлично от рассмотренного выше, а потому автору оно видится менее проблемным.

Третьим видом заочного судебного разбирательства можно считать разбирательство в отношении умершего гражданина. Закон позволяет это делать, например, в целях реабилитации умершего, согласно п. 4 ч. 1 ст. 24 и ч. 2 ст. 414 УПК РФ.

Четвертый вид заочного разбирательства может быть реализован на основании ч. 3 ст. 258 УПК РФ, позволяющий удалять подсудимого из зала судебного заседания до окончания прений сторон именно в качестве меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании. То есть это некоторая мера ответственности и её применение зависит от самого подсудимого, как и проведение заочного разбирательства при наличии ходатайства с его стороны. Данные случаи вызывают меньше всего вопросов в контексте обеспечения права на справедливое разбирательство и соблюдение принципа презумпции невиновности.

В меньшей мере данная проблематика актуальна применительно к случаям заочного судебного разбирательства в отношении умершего гражданина. Здесь, конечно, есть свои нюансы, которые были рассмотрены Конституционным Судом РФ [4] и тоже в значительной мере касались принципа презумпции невиновности.

Наиболее сложные и важные вопросы заочного разбирательства, по мнению автора, связаны с применением положений ч. 5 ст. 247 УПК РФ, в частности, в отношении граждан, находящихся за пределами Российской

Федерации, которые могут и не знать о том, что в отношении них было возбуждено уголовное дело, что оно расследуется и рассматривается судом, выносится приговор.

В данном случае нет цели поставить под сомнение саму правомерность действий, которые осуществляются правоохранительными органами и судом, поскольку такие действия предусмотрены законодательством; они, безусловно, должны резюмироваться как правомерные. Однако, как форма уголовного процесса, призванная обеспечить, в том числе, соблюдение принципа презумпции невиновности, такое производство видится далёким от совершенства.

Не случайно даже законодатель испытывает некоторые сомнения в однозначном признании соответствующих результатов, позволяя в случае устранения обстоятельств, которые препятствовали участию подсудимого в разбирательстве, отменить приговор в рамках гл. 47.1 УПК РФ, без ограничения каким-либо сроком, и перейти к рассмотрению дела в обычном порядке.

Автору не вполне понятен практический смысл рассмотрения уголовного дела в суде при отсутствии гражданина, находящегося в розыске, в том числе за пределами Российской Федерации, поскольку де-факто применить в отношении него конкретную меру уголовно-правового воздействия невозможно, как и обеспечить соблюдение фундаментального принципа презумпции невиновности. В таких случаях складывается ситуация, когда гражданин де-юре оказывается признан виновным и осуждён, однако де-факто уголовной ответственности не несёт. В этом видится вся парадоксальность ситуации.

В подобные приговоры в науке ставятся под сомнение, в том числе и путем отрицания их преюдициального значения [6, с. 104–105].

Однако вопрос преюдиции совершенно иначе рассматривается российским законодателем в ст. 90 УПК РФ, где говорится о преюдициальном характере приговора, который вступил в законную силу, и о необходимости ориентации на установленные им факты без дополнительной проверки. Конечно, это подход

закономерен, ведь в ином случае его законность была бы поставлена под сомнение еще более явно, причем не в рамках научного дискурса, а в рамках закона.

Что же касается исключений то вынесение приговора в отсутствие подсудимого не рассматривается указанной нормой как основание, дающее возможность исключать преюдициальность приговора. При этом преюдициальность не предусматривается применительно к приговорам, принятым:

- при досудебном соглашении о сотрудничестве;
- по итогам рассмотрения дела, когда имело место дознание в сокращённой форме;
- без судебного разбирательства в связи с согласием подсудимого с обвинением.

Изложенное вызывает сомнения в целесообразности сохранения нормы, позволяющей рассматривать в судебном заседании уголовные дела в отношении лиц, находящихся в розыске, в том числе за пределами Российской Федерации. Но это не означает, что автор ставит под сомнение в целом необходимость принятия мер, нацеленных на привлечения соответствующих лиц, находящихся вне досягаемости российских правоохранительных и судебных органов, к ответственности. Безусловно, любые случаи совершения преступных деяний должны преследоваться по закону, но когда предполагается факт уклонения от уголовной ответственности, в том числе связанное с нахождением за рубежом, целесообразными представляются меры по производству оперативно-розыскных, следственных мероприятий, в том числе решение вопроса об экстрадиции. Вынесение же приговора в отношении субъекта, местонахождение которого неизвестно, вряд ли целесообразно, в том числе из соображений обеспечения принципа презумпции невиновности.

Предполагается, что принцип презумпции невиновности должен признаваться и реализовываться на практике вне зависимости от того, на сколько

гражданин и адвокат активен в отстаивании позиции защиты, ведь гражданин, будучи подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, свою невиновность доказывать не обязан, а все сомнения в его виновности надлежит трактовать в его пользу, согласно ст. 14 УПК РФ. Однако невозможно усомниться в том, что соблюдение анализируемого принципа в практике во многом зависит от того, насколько сам гражданин и его адвокат активны в отстаивании позиции стороны защиты. Поэтому в условиях физического отсутствия подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в уголовном процессе создаются максимальные риски нарушения указанного принципа.

На основании изложенного можно было бы однозначно высказать идею о недопустимости заочного судопроизводства в отсутствие согласия на то самого подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, если бы ни один весьма значимый факт: сама процедура заочного судопроизводства именно применительно к уголовным делам в Российском государстве применяется на протяжении длительного времени. А.А. Казаков утверждает, что с 1864 г., когда был принят Устав уголовного судопроизводства, в отечественной истории не было периода, когда бы такая процедура законодательством не была предусмотрена [7, с. 3]. То есть она является для российского уголовного процесса традиционной, причем получившей применение в условиях совершенно разных правовых порядков, разных государственно-политических строев.

Изложенное, конечно же, не означает, что в правоприменительной практике заочное разбирательство по уголовным делам всегда позволяет решать вопрос о виновности или невиновности законно, обоснованно и справедливо. Даже советской правовой системе были известны факты незаконного привлечения к уголовной ответственности лиц, впоследствии реабилитированных. Примерами тому являются случаи заочного осуждения генералов Н.К. Кириллова и П.Г. Понеделина, которые в дальнейшем были реабилитированы [7, с. 12–13].

Тем не менее, идея полного отказа от заочного рассмотрения дела не кажется автору статьи оправданной. Думается, что данный институт должен совершенствоваться, причем на основе уже действующих норм, в том числе в направлении обеспечения согласованности отдельных аспектов, позволяющих соблюдать, в том числе, принцип презумпции невиновности [5, с. 127].

Конечно же, важно учитывать специфику заочного производства. И в этом случае автор не поддерживает тех исследователей [8], которые отрицают наличие у заочного порядка судебного разбирательства специфики, объективно требующей отличий в законодательном регулировании.

Примечательно, что авторы, не усматривающие существенные отличия заочного производства от обычного, зачастую не обращают внимания на его особый характер и проблемы, связанные с обеспечением презумпции невиновности [8], а эту проблему отрицать нельзя. Не случайно ведь и законодатель, пусть и в общем виде, ограничил конституционно возможности заочного производства по уголовным делам, согласно ч. 2 ст. 123 Конституции РФ.

Заключение

В целом в заочном судебном разбирательстве по уголовным делам чрезвычайно проблемным вопросом остаётся соблюдение принципа презумпции невиновности. Но когда вопрос о выборе заочной формы разбирательства разрешается с согласия или по ходатайству самого обвиняемого, подсудимого, особых проблем не видится. По крайней мере, в таких случаях субъект самостоятельно выбрал вариант участия в процессе. В случаях же, когда вопрос о заочном разбирательстве разрешается без ведома гражданина, преследуемого в уголовном порядке, возникают наибольшие риски, что презумпция невиновности в его отношении соблюдена не будет, ведь именно на позицию стороны обвинения ориентируется суд.

Поэтому предлагается ч. 5 ст. 247 УПК РФ признать утратившей силу. В то же время сроки давности для привлечения к уголовной ответственности по

категориям дел, указанным в данной норме, возможно продлить применительно к преступлениям небольшой и средней тяжести, а применительно к тяжким и особо тяжким преступлениям сроки давности отменить.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (I ч.). Ст. 4921.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Атряскина А.Ф. Актуальные проблемы заочного вынесения приговора по уголовным делам // Фемида. Science. 2024. № 1 (14). С. 122–128.
6. Беляев М.В. Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы законодательство и практика: дис. ... док. юрид. наук. М., 2019. 472 с.
7. Казаков А.А. Заочное судебное разбирательство уголовных дел: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 26 с.
8. Татьяна Л.Г., Тензина Е.Ф. Заочное производство в уголовном процессе России // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2022. Т. 32, № 4. С. 727–731.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 21.04.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1996. № 25. St. 2954.
3. Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2001. № 52 (I ch.). St. 4921.
4. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.07.2011 № 16-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij punkta 4 chasti pervoj stat`i 24 i punkta 1 stat`i 254 Ugolovno-processual`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhalobami grazhdan S.I. Aleksandrina i Yu.F. Vashhenko» // SPS «Konsul`tantPlyus».
5. Atryaskina A.F. Aktual`ny`e problemy` zaochnogo vy`neseniya prigovora po ugolovny`m delam // Femida. Science. 2024. № 1 (14). S. 122–128.
6. Belyaev M.V. Sudebny`e resheniya v rossijskom ugolovnom processe: teoreticheskie osnovy` zakonodatel`stvo i praktika: dis. ... dok. jurid. nauk. M., 2019. 472 s.
7. Kazakov A.A. Zaochnoe sudebnoe razbiratel`stvo ugolovny`x del: avtref. ... dis. kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2009. 26 s.
8. Tat`yanina L.G., Tensina E.F. Zaochnoe proizvodstvo v ugolovnom processe Rossii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya E`konomika i pravo. 2022. T. 32, № 4. S. 727–731.

Научная статья

УДК 343.1

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОБОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАЛОГА КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В РАМКАХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Гаврильченко Юлия Петровна, доктор юридических наук, профессор кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности, Белорусский государственный университет, юридический факультет, Минск, Беларусь., julgavrfinlaw@gmail.com

Аннотация

Залог выступает одной из мер пресечения, возможность применения которых предусмотрена действующим УПК РФ. Недостаточно развитая практика применения данной меры свидетельствует о необходимости её более тщательной научной разработки. В работе рассматриваются основные аспекты избрания данной меры пресечения и некоторые сложности, возникающие при обосновании, в том числе обосновании размера подлежащей внесению в качестве залога суммы. Проблематика рассматривается с учётом судебной практики, на одном из примеров, который детально анализируется. Указывается, что назначаемый размер залога не всегда соответствует причинённому ущербу, как и материальному положению обвиняемого, хотя в литературе взгляды на залог принципиально иные, и исходя из них, его предлагается назначать именно с учетом принципа соразмерности и справедливости – эти принципы рассматриваются в науке как основа уголовного процесса. Недостаточность развития практики применения залога свидетельствует и о недостаточно высоком уровне развития адвокатской практики в части обоснования залога. Как правило, вопрос о нём разрешается по инициативе стороны защиты, предлагающей залог в качестве альтернативы иным, более строгим мерам пресечения, в том числе заключению под стражу, требуемым стороной обвинения. С учётом изученных недостатков автором предлагается внести уточнения в ст. 106 УПК РФ.

Ключевые слова: внесение залога, залог, меры пресечения, обращение залога в доход государства, обязательства обвиняемого, основания применения залога, уголовное судопроизводство

Статья поступила в редакцию 11.05.2025, одобрена после рецензирования 03.06.2025, принята к публикации 19.06.2025.

Original article

CONTROVERSIAL ISSUES OF JUSTIFICATION FOR THE USE OF BAIL AS A PREVENTIVE MEASURE IN THE FRAMEWORK OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Gavrilchenko Yuliya Petrovna, Doctor of Laws, Professor, Department of Financial Law and Legal Regulation of Economic Activity, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

Bail is one of the preventive measures, the possibility of which is provided for by the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The insufficiently developed practice of applying this measure indicates the need for its more thorough scientific development. The paper examines the main aspects of choosing this preventive measure and some of the difficulties that arise in the justification, including the justification of the amount to be deposited as collateral. The issue is considered taking into account judicial practice, based on one of the examples, which is analyzed in detail. It is pointed out that the amount of bail imposed does not always correspond to the damage caused, as well as to the financial situation of the accused, although the views on bail are fundamentally different in the literature, and based on them, it is proposed to appoint it taking into account the principle of proportionality and fairness – these principles are considered in science as the basis of the criminal process. The lack of development of the practice of applying collateral also indicates an insufficiently high level of development of legal practice in terms of the justification

of collateral. As a rule, the issue of bail is resolved on the initiative of the defense, which offers bail as an alternative to other, more stringent preventive measures, including detention, required by the prosecution. Taking into account the shortcomings studied, the author proposes to clarify Article 106 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: making bail, bail, preventive measures, applying bail to the state's income, obligations of the accused, grounds for applying bail, criminal proceedings

Введение

Залог, в рамках уголовного судопроизводства предусмотренный ст. 106 УПК РФ [1], является одной из разновидностей мер пресечения, и с его применением связано немало трудных вопросов, носящих практический характер. При этом и многие вопросы научно-теоретической направленности, касающиеся залога, тоже остаются спорным. Среди них – вопрос обоснования применения залога. Стоит сказать, что в российской практике он применяется сравнительно нечасто, а потому вопросы обоснования его применения становятся одними из острейших с учётом рассматриваемой проблематики целью исследования выступает выявление спорных вопросов обоснования применения залога в качестве меры пресечения и подготовка рекомендаций по решению выявленных проблем.

Основная часть

Основные законодательные положения о залоге, как сказано выше, сосредоточены в ст. 106 УПК РФ, с их рассмотрения и следует начать. Это довольно объёмная статья, в целом формирующая относительно чёткие представления об исследуемой мере пресечения. Причём наиболее значимые положения о залоге отражены в ч. 1. Исходя из неё, залог характеризуется следующими особенностями (признаками).

Во-первых, наличием вполне конкретной цели или совокупности целей, связанных с:

- обеспечением явки подозреваемого или обвиняемого;
- предупреждением совершения преступлений;
- предупреждением действий, нацеленных на воспрепятствование производству по делу.

В общем-то, данные цели идентичны целям иных мер пресечения, и в этой части залог не уникален.

Во-вторых, залог предполагает передачу или внесении имущества обвиняемым, подозреваемым, иным гражданином либо организацией. В этом плане спектр субъектов достаточно широк, что во многом отличает залог от прочих мер пресечения, например, от подписки о невыезде или заключения под стражу.

В-третьих, принципиальным вопросом является и проблема определения круга имущества, которое подлежит (может подлежать) внесению или передаче в рамках залога. В его круг включено как недвижимое имущество, так и движимое, причём в качестве движимого могут выступать:

- деньги;
- ценности;
- акции и облигации, допущенные именно к публичному обращению на территории России.

В данном случае весьма неконкретной категорией являются «ценности». С одной стороны, очевидно, что это те блага, которые имеют вполне конкретную материальную, экономическую оценку, то есть могут быть оценены в денежном эквиваленте, что является обязательным для решения вопроса о залоге. Однако, какое именно имущество может быть отнесено к ценностям, не вполне понятно. Остаётся загадкой и причина, по которой законодатель в данном случае вместо понятия «имущество» употребил термин «ценности».

В-третьих, имущество может быть передано в суд либо в соответствующий орган предварительного расследования, в зависимости от того, на какой стадии находится производство на момент рассмотрения вопроса о залоге.

Здесь важно подчеркнуть, что закон допускает избрание залога в любой момент производства по уголовному делу, что даёт достаточно широкие возможности для его практического применения и оценивается нами положительно.

Конечно, здесь отражено лишь содержание небольшой части норм о залоге, которые в целом раскрывают его сущность. Но в ст. 106 УПК РФ имеется и ряд норм, не отражая его сущность, являются не менее важными ввиду того, что порождают трудности правоприменения. Один из трудных вопросов можно связать с предоставлением законодателем суду достаточно широких возможностей для решения вопроса по усмотрению.

Так, ч. 3 ст. 106 УПК РФ позволяет суду решать вопрос о виде и размере залога исключительно по своему усмотрению, хотя и с учётом таких обстоятельств, как:

- характер деяния;
- информация о личности подозреваемого, обвиняемого;
- имущественное положение залогодателя.

Размер залога тоже остаётся весьма спорным вопросом. Ч. 3 ст. 106 УПК РФ дифференцирует его в зависимости от категории инкриминируемого лицу преступления, исходя из чего минимальный размер залога может быть назначен в сумме:

- не менее 50 000 руб. – применительно к уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести;
- не менее 500 000 руб. – применительно к делам о тяжких или особо тяжких преступлениях.

Правовой и экономической смысл залога в целом отражён в ч. 9 ст. 106 УПК РФ, и состоит в обращении в доход государства внесённого в случае, если подозреваемый либо обвиняемый нарушил принятые на себя обязательства. В иных случаях залог подлежит вернуть залогодателю, согласно ч. 10 ст. 106 УПК РФ. То есть, по замыслу законодателя, субъект, обязательства которого

обеспечиваются залогом, оказывается в такой ситуации, когда он именно заинтересован в соблюдении принятых на себя обязательств. Очевидно, что в этом случае не последнюю роль играет и вопрос обоснования размера залога. Законодатель его не конкретизирует, что является одним из слабых мест правового регулирования данного вопроса.

Можно было бы полагать, что размер залога уместно соотносить с причинённым вредом или грозящим субъекту наказанием, однако, учитывая сложившуюся судебную практику, сложно сделать об этом вывод о том, насколько такая корреляция находит применение. Например, в рамках одного из уголовных дел, когда гражданин Ф. ставил вопрос о несоответствии норм УПК РФ о залоге конституционным положением, инкриминируемое ему деяние касалось незаконного приобретения (путём мошенничества) земельного объекта стоимостью более 48 млн руб. Штраф по инкриминируемому преступлению в качестве дополнительного вида наказания мог бы составить не более 1 млн руб., гражданину же был назначен залог сначала в размере 15 млн руб., позднее он был снижен до 8 млн руб. [2]. Данный пример свидетельствует о том, что размер залога может многократно превышать потенциальную сумму штрафных санкций, но в то же время быть существенно ниже, нежели вред, причинённый в результате совершения преступления.

Такой взгляд нельзя назвать поддерживаемым в научном сообществе. Хотя сложно рассказать и о том, что всеобщей поддержкой пользуется и какая-то иная принципиально отличная позиция. Но безусловной поддерживаемой является идея обеспечения справедливости как главного условия применения мер пресечения в рамках уголовного судопроизводства [5].

Конечно, с особой важностью обеспечения справедливости нельзя не согласиться, в том числе и ориентируясь на нормы УПК РФ, которые в целом такие идеи тоже поддерживают.

Но даже если ориентироваться и на идеи справедливости в целом, дать однозначный ответ на вопрос о залоге с позиции определения его размера

сложно. Например, в литературе высказываются мнения о том, что нижний предел залоговой суммы должен быть кратен размеру прожиточного минимума, который устанавливается в субъектах РФ [4, с. 8]. Такая позиция, безусловно, может считаться обоснованной, но лишь в отдельных аспектах.

Прежде всего, ориентация на прожиточный минимум позволяет учесть материального положения гражданина, который будет залогодателем, исходя из места проживания. Однако, будет ли в полной мере сумма залога, определённая исходя из прожиточного минимума, обеспечивать с необходимой надёжностью решение тех задач, на которые залог ориентирован? Вопрос, как нам представляется, риторический.

В каждом конкретном случае вопрос определения залога, с нашей точки зрения, должен решаться исключительно индивидуально, с учётом материальных возможностей залогодателя, ценности имеющегося у него имущества и, безусловно, с учётом тяжести преступления, а также размера суммы, в которую оценивается причинённый вред, если таковой может быть оценён именно в денежном эквиваленте.

Соответственно, если учесть, что причинённый вред в рамках рассмотренного выше дела оценивался в 48 млн руб., а сами штрафные санкции могли достигать 1 млн руб., сложно представить, что минимальная сумма залога применительно к таким ситуациям должна быть ориентирована на прожиточный минимум.

В то же время, сумма залога должна быть разумной, посильной для внесения соответствующим субъектом и существенной для него. В ином случае говорить о обоснованности применения залога вряд ли возможно.

Но и вопрос разумности тоже оказывается спорным, особенно если учесть тот факт, что в отдельных случаях, в том числе рассмотренном выше, в целях внесения залога обвиняемым был получен заем. То есть необходимой суммой он не обладал.

Отсюда возникает и вопрос о том, уместна ли подобная практика? Однозначно ответить на данный вопрос невозможно. Однако не вызывает сомнений тот факт, что такая сумма для обвиняемого была существенной, а вопрос существенности отмечается в науке как один из ключевых [6, с. 113].

Надо сказать, что залог в качестве меры пресечения в российской практике уголовного судопроизводства применяется крайне редко. Причём количество случаев избрания залога за последние 15 лет сократилось кратно, на что указывается в литературе [6, с. 114]. Отсюда можно сделать вывод о том, что ни суды, ни правоохранительные органы не рассматривают данную меру как эффективный инструмент пресечения, хотя в литературе она характеризуется иначе [6, с. 114].

Поэтому возможно сделать вывод и о том, что в адвокатской практике необходимый опыт обоснования применения залога тоже не получил достаточного развития.

Одной из причин, по которой залог крайне редко используется в правоприменительной практике, можно считать тот факт, что его эффективность недооценивается правоохранительными органами и судами. Вместе с тем, нельзя отрицать тот факт, что из числа лиц, в отношении которых был избран залог в качестве меры пресечения, от следствия скрылись или предпринимали попытки скрыться лишь 2-3% обвиняемых [3, с. 202]. То есть в плане эффективности его можно оценить положительно. Из этого же должен исходить законодатель и субъекты правоприменительной практики.

Вопрос избрания залога зачастую является вопросом конкуренции между сторонами обвинения и защиты, поскольку залог, как правило, заявляется стороной защиты именно в качестве альтернативы меры пресечения, требуемой стороной обвинения. То есть, по сути, суд оказывается в ситуации перед выбором одной из мер, которая будет более обоснованной [7, с 31]. И очевидно, что он чаще всего встаёт именно на сторону соответствующих органов власти.

Заключение

В целях совершенствования норм УПК РФ о залоге предлагается внести изменения в ч. 3 ст. 106 УПК РФ, предписав при рассмотрении вопроса о размере залога исходить в том числе и из размера причиненного преступлением вреда, а принципа существенности размера залога как для обвиняемого, подозреваемого, так и для залогодателя (если они не совпадают в одном лице).

Верховному суду относительно практики применения залога надлежит, по нашему мнению, дать судам нижестоящих инстанций разъяснения, указав на необходимость расширения практики применения залога.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (I ч.). Ст. 4921.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2021 № 29-П «По делу о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Филиппова» // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_387939/#dst100056
3. Гапонова В.Н., Цыреторов А.И. Перспективы залога как меры пресечения в отечественном уголовном судопроизводстве // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1(21). С. 196–205.
4. Григорьева А.Е. Вопросы теории и практики избрания следователями органов внутренних дел отдельных мер пресечения: залога и домашнего ареста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск 2008. 25 с.
5. Замуруева Е.Ю. Справедливость как требование к решению о применении мер пресечения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1(100). С. 152–162.
6. Мальцева С. Н. Залог как мера пресечения: проблемы применения // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19, № 1. С. 111–116.

7. Стельмах В.Ю. Современные проблемы применения залога как меры пресечения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3(35). С. 29–34.

References

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-FZ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (I ч.). Ст. 4921.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2021 № 29-П «По делу о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Филиппова» // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_387939/#dst100056
3. Гапонова В.Н., Цыреторов А.И. Перспективы залога как меры пресечения в отечественном уголовном судопроизводстве // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1(21). С. 196–205.
4. Григорьева А.Е. Вопросы теории и практики избрания следователями органов внутренних дел отдельных мер пресечения: залога и домашнего ареста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск 2008. 25 с.
5. Замуреева Е.Ю. Справедливость как требование к решению о применении мер пресечения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1(100). С. 152–162.
6. Малцева С. Н. Залог как мера пресечения: проблемы применения // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19, № 1. С. 111–116.
7. Стельмах В.Ю. Современные проблемы применения залога как меры пресечения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3(35). С. 29–34.

5.1.5. Международно-правовые науки

Научная статья

УДК 341

ТРУДНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАЛЮТ В МЕЖДУНАРОДНЫХ РАСЧЕТАХ

**Савенок Анатолий Леонидович, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой
уголовного права юридического факультета, Белорусский
государственный университет, Минск, Беларусь., savalugp_bsu@gmail.com**

Аннотация

В современных условиях геополитической нестабильности, санкционного давления на Россию и неисполнения многими субъектами международных отношений взятых на себя обязательств возникает необходимость пересмотра сложившейся многолетней практики использования в целях международных расчётов традиционных резервных валют, прежде всего доллара США и евро. Так называемая проблема дедолларизации обсуждается в научном дискурсе уже давно, но острая необходимость её решения возникла лишь в 2022 году. В статье обсуждаются возможности использования национальных валют в международных расчётах именно с учётом сложившейся ситуации, причём в юридическом аспекте. Уделяется внимание рассмотрению некоторых положений федерального законодательства, регламентирующего валютные правоотношения. Дается оценка возможностей и рисков, сопряжённых с переходом к расчётам в национальных валютах. По мнению автора, такие расчёты тоже несут влечут за собой некоторые угрозы, особенно с учётом отечественного опыта 1990-х годов. Делается вывод об объективном характере трудностей, осложняющих использование национальных валют в международных расчётах и недостаточность одних лишь усилий Российской Федерации для решения этой проблемы. Представляется авторское видение путей решения рассмотренной проблемы.

Ключевые слова: доллар США, евро, золотой стандарт, международные расчеты, национальная валюта, резервная валюта, российский рубль

Статья поступила в редакцию 17.05.2025, одобрена после рецензирования 09.06.2025, принята к публикации 19.06.2025.

Original article

DIFFICULTIES IN USING NATIONAL CURRENCIES IN INTERNATIONAL SETTLEMENTS

Savenok Anatoly Leonidovich, Doctor of Laws, Professor, Head of the Department of Criminal Law, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

In modern conditions of geopolitical instability, sanctions pressure on Russia and the failure of many subjects of international relations to fulfill their obligations, it is necessary to review the long-standing practice of using traditional reserve currencies, primarily the US dollar and the euro, for international settlements. The so-called problem of de-dollarization has been discussed in scientific discourse for a long time, but the urgent need to solve it arose only in 2022. The article discusses the possibilities of using national currencies in international settlements, taking into account the current situation, and in the legal aspect. Attention is paid to the consideration of some provisions of the federal legislation regulating currency legal relations. An assessment of the opportunities and risks associated with the transition to settlements in national currencies is given. According to the author, such calculations also entail some threats, especially taking into account the domestic experience of the 1990s. The conclusion is drawn about the objective nature of the difficulties complicating the use of national currencies in international settlements and the insufficiency of the Russian Federation's efforts alone to solve this problem. The author's vision of ways to solve the considered problem is presented.

Keywords: US dollar, euro, gold standard, international settlements, national currency, reserve currency, Russian ruble

Введение

Международные расчёты – та сфера общественных отношений, в которой участвует любое государство. На протяжении последних десятилетий такие расчёты было принято осуществлять с использованием международных резервных валют, к коим относятся, прежде всего, доллар США, евро и некоторые другие.

Обострение международного противостояния, дестабилизация геополитической обстановки, также санкционное давление на Россию, угроза оказания санкционного давления на другие страны побудили обратиться к проблематике пересмотра сложившейся в мире системы международных расчетов и рассматривать возможности использования для расчетов национальные валюты. И конечно, возможности для такого перехода имеются, однако присутствует и достаточно широкий спектр барьеров, которые не позволяют оперативно перейти на расчёты в национальных валютах.

Основная часть

Здесь в первую очередь следует уточнить само понятие международных расчётов в национальных валютах. Под такими расчётами можно понимать функционирование двустороннего валютного рынка, который не предполагает использования банковской системы какого-либо третьего государства [8, с. 45].

Такой подход для большинства государств не является широко применяемым по многим причинам, в том числе ввиду распространения в современной глобальной экономике практики использования резервных валют [4], которые играют во многом определяющую роль, как и государства, их выпускающие. Более того, использование некоторых общих валют, рассматриваемых именно в качестве резервных, даёт определённые удобства в

международных расчётах. В то же время расчеты в национальных валютах имеют немаловажные преимущества, однако о них будет сказано позднее.

Нельзя не отметить, что место валюты в современной экономике в значительной мере обусловлено, тем, какую долю она составляет в резервах других стран мира. И в этой связи безусловным лидером остаётся доллар США, а также евро. Менее значимыми являются британский фунт стерлингов и японская йена [6, с 7]. Соответственно, такая структура мировых валютных запасов определяет и состояние системы международных расчётов. Странам не только выгодно, но и удобно вести расчёты в соответствующих валютах, признаваемых резервными. Однако весьма очевидной остаётся истина: использование резервной валюты так или иначе ставит любое государство, которое её не имитирует, в жёсткую зависимость от страны-эмитента. И в этом смысле многие государства, особенно те, которые заинтересованы в ведении самостоятельной политики имеют в числе интересов и использование собственной валюты в рамках национальных расчётов.

Данная проблема была. В определённой степени отражена в Договоре стран СНГ от 24.09.1993 «О создании Экономического союза» [1], где было продекларировано, что «Стороны согласовывают политику в области денежно-кредитных, валютных и финансовых отношений», используют в своих валютно-кредитных и финансовых отношениях мультивалютную систему, охватывающую национальные валюты, функционирующие в отдельных государствах и систему, основанную на рубле Российской Федерации.

Более того, было закреплено и положение о том, что «на этапе формирования валютного союза обеспечивается переход во взаимных расчетах к моновалютной системе, основанной на общей (резервной) валюте, в основе которой лежат наиболее употребляемые и стабильные валюты Договаривающихся Сторон».

Также было указано о поэтапном характере перехода на использование национальных валют через создание платёжного союза, который основывался бы на принципах:

- взаимного признания национальных валют и осуществления их официальных котировок;
- осуществления платежей в национальных валютах с использованием многостороннего клиринга через Межгосударственный банк и другие расчетные центры;
- введения механизма согласованного взаимного кредитования дефицитов платежных балансов;
- достижения взаимной конвертируемости национальных валют по текущим операциям.

Определённый прогресс в этих планах был достигнут, однако, в целом о том, что расчёты в национальных валютах получили достаточно широкое распространение, говорить не приходится. Они если и используются для таких целей, то исключительно в рамках узкого круга государств, которые так или иначе признаются постсоветскими

В целом же по-прежнему в международных расчётах приоритет продолжает оставаться за ключевыми резервными валютами, прежде всего долларом США, хотя в последние годы наметилась чёткая тенденция к отказу от него.

Здесь нельзя не отметить, что даже Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О валютном регулировании и валютном контроле» [2] доллар рассматривается в качестве эквивалента при оценке переводов переводов физическим лицом–резидентом иностранной валюты из Российской Федерации в пользу иных физических лиц–резидентов на их счета, открытые в банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации.

На сегодняшний день можно говорить о наличии вполне конкретных оснований для того, чтобы переход к использованию национальных валют в международных расчётах продолжался. На это позволяют рассчитывать заявления Президента РФ, сделанные им в своем Послании Федеральному Собранию в 2023 году, когда была отмечена цель «работать над формированием устойчивой, безопасной системы международных расчетов, независимой и от доллара, и от других западных резервных валют» [3].

Аналогичные идеи были заявлены и Банком России, когда среди направлений перестройки российской экономики было выделено не только развитие импортозамещения, реализация проектов технологического суверенитета, но и наращивание расчетов с внешнеторговыми партнерами в национальных валютах, что ослабляет зависимость внутреннего рынка от конъюнктуры внешних рынков и динамики курса рубля, способствуя снижению значимости валютного канала трансмиссионного механизма и росту значимости остальных каналов. В среднесрочной перспективе можно ожидать сохранения данной тенденции [4].

Учитывая изложенное, следует отметить, что в контексте использования национальных валют во внешнеторговых расчетах ключевая роль отводится центральным банкам. На практике это происходит в виде подписания двусторонних соглашений между центральными банками об организации расчетов по внешнеэкономическим связям [5, с. 128]. В этом смысле механизм перехода на расчеты в национальных валютах, на первый взгляд, представляется крайне простым, понятным, логичным, причём как с технической, так и с юридической точки зрения. Однако такому переходу сопутствует масса трудностей.

Как показывает практика, одним из препятствий для использования национальной валюты во внешнеторговых операциях может быть нехватка данной валюты у импортера и обслуживающего его банка [5, с. 129]. Но это не единственная проблема.

Практика использования основных мировых валют во внешнеторговых расчетах свидетельствует о том, что степень их международной востребованности находится в прямой зависимости от уровня ликвидности на международном валютном рынке и объема валютных операций купли-продажи с их участием [5, с. 129].

И именно определённая невостребованность национальной валюты мешает расширять круг стран-контрагентов, с которыми можно развивать соответствующие отношения по расчётам в национальных валютах. С такой проблемой, безусловно, сталкивается и современная Россия, которая ведёт расчёты в национальных валютах лишь с узким кругом дружественных государств. В этом смысле национальная валюта России остаётся региональной, хотя, учитывая тенденции последних лет, можно усмотреть определённые положительные изменения в ее распространении в качестве средства международных платежей.

Мировая валютная структура в определенной степени связана с позициями страны в мировой экономике, однако не полностью их определяет [6, с. 6]. В этом смысле усиление позиции России в мировой экономике должно неизменно способствовать и оживлению интереса к её национальной валюте. Это вполне справедливо и применительно к любому другому государству.

Отметим, что в настоящее время рубль не входит в число мировых резервных валют, а статистика его содержания в резервах других стран отсутствует. При этом высказываются предположения о том, что рубль содержится в составе валютных резервов Беларуси и Казахстана [7, с. 66]. Полагаем, что это одна из тех причин, по которой рубль пока ещё не получил должного распространения в качестве средства международных расчётов, а расчёты в национальных валютах остаются лишь в рамках узкого круга дружественных стран.

Однако есть и положительные факторы. Речь о возможной утрате долларом позиций доминирующей мировой валюты. Беспрецедентная заморозка

зарубежных активов РФ, а также ограничения на работу российских субъектов с РПИ доллара, евро, фунта стерлингов и иены вызвали серьезное беспокойство во многих странах мира по поводу собственной уязвимости к подобным действиям. Это увеличило интерес к другим валютам для проведения международных транзакций [7, с. 67].

В рамках противодействия санкциям Правительством РФ предпринят ряд других мер, способствующих интернационализации рубля. В их числе двух- и многосторонние межгосударственные договоренности о расширении использования национальных валют, а также решение отменить ограничения на использование наличных средств при проведении внешних расчетов [7, с. 72].

Полагаем, что определённым положительным фактором, который может поспособствовать развитию расчётов в национальных валютах, является эмиссия цифровых активов, в том числе цифрового рубля. Однако, на сегодняшний день этот инструмент остаётся крайне рискованным [8, с. 45; 9, с. 190]. Тем не менее, сложившиеся условия сами по себе являются мощным стимулом к развитию операций в национальных валютах [10, с. 396].

Заключение

Использование национальных валют в международных расчётах является хотя и распространённой практикой, однако в целом уступает расчётам в резервных валютах, что во многом обусловлено факторами ликвидности последних, наличием соответствующих резервов такого рода валют у подавляющего большинства государств и в целом их привлекательностью для рынка. Нельзя не учесть фактор удобства: так или иначе, любая резервная валюта является вполне понятным средством оценки практически любого материального блага, особенно тех благ, которые являются предметом импорта и экспорта.

Расчёты в национальных валютах между тем, имеют весьма существенные преимущества, поскольку снижают степень зависимости от ведущих мировых держав, выпускающих резервные валюты.

На сегодняшний день ключевые барьеры к развитию расчётов международных в национальных валютах носят скорее экономический, нежели юридический характер. В то же время в работе международных организаций, в которых Россия участвует в качестве одного из ключевых партнёров, предпринимаются недостаточные, особенно в плане юридического закрепления соответствующих обязательств. В этом видится одна из важнейших проблем. Поэтому практика расчёта международных валют в национальных валютах должна получить более конкретное юридическое закрепление в рамках СНГ, ЕАЭС, возможно в рамках других организаций, в частности, ШОС.

Список литературы

1. Договор стран СНГ от 24.09.1993 «О создании Экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 28.12.2024) "О валютном регулировании и валютном контроле // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.
3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.02.2023 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов (утв. Банком России) // Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.02.2023 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Балюк И.А. Использование национальных валют во внешнеторговых расчетах // Вестник Финансового университета. 2015. № 5. С. 127–133.
6. Винокуров Е., Лаврова Н., Петренко В. Повышение роли национальных валют ЕАЭС в международных расчетах // Доклады и рабочие документы. 2021. № 21/1. М.: Евразийский банк развития. С. 1–29.

7. Поливач А.П. Перспективы интернационализации рубля в современных геополитических условиях // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67, № 4. С. 64–74.
8. Пономаренко А. Об основных механизмах международных расчетов в национальных валютах // *Деньги и кредит*. 2023. Т. 82, № 3. С. 35–47.
9. Родина И.Б. Преимущества и риски цифровой национальной валюты в условиях глобальных рисков // *Фундаментальные исследования*. 2021. № 12. С. 186–191.
10. Хомякова Л.И., Хомякова М.А. Возможности использования национальных валют в международных расчетах на пространстве ЕАЭС и развитие платежно-расчетных механизмов стран-участниц ЕАЭС и БРИКС // *Экономические науки*. 2024. № 6 (235). С. 394–398.

References

1. Dogovor stran SNG ot 24.09.1993 «O sozdanii E`konomicheskogo soyuza» // SPS «Konsul`tantPlyus».
2. Federal`ny`j zakon ot 10.12.2003 N 173-FZ (red. ot 28.12.2024) O valyutnom regulirovanii i valyutnom kontrole // *Sobranie zakonodatel`stva RF*. 2003. № 50. St. 4859.
3. Poslanie Prezidenta RF Federal`nomu Sobraniyu ot 21.02.2023 // SPS «Konsul`tantPlyus».
4. Osnovny`e napravleniya edinoj gosudarstvennoj denezhno-kreditnoj politiki na 2025 god i period 2026 i 2027 godov (utv. Bankom Rossii) // Poslanie Prezidenta RF Federal`nomu Sobraniyu ot 21.02.2023 // SPS «Konsul`tantPlyus».
5. Balyuk I.A. Ispol`zovanie nacional`ny`x valyut vo vneshnetorgovy`x raschetax // *Vestnik Finansovogo universiteta*. 2015. № 5. S. 127–133.
6. Vinokurov E., Lavrova N., Petrenko V. Povy`shenie roli nacional`ny`x valyut EAE`S v mezhdunarodny`x raschetax // *Doklady` i rabochie dokumenty`*. 2021. № 21/1. M.: Evrazijskij bank razvitiya. S. 1–29.

7. Polivach A.P. Perspektivy` internacionalizacii rublya v sovremenny`x geopoliticheskix usloviyax // Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya. 2023. T. 67, № 4. S. 64–74.
8. Ponomarenko A. Ob osnovny`x mexanizmax mezhdunarodny`x raschetov v nacional`ny`x valyutax // Den`gi i kredit. 2023. T. 82, № 3. S. 35–47.
9. Rodina I.B. Preimushhestva i riski cifrovoj nacional`noj valyuty` v usloviyax global`ny`x riskov // Fundamental`ny`e issledovaniya. 2021. № 12. S. 186–191.
10. Xomyakova L.I., Xomyakova M.A. Vozmozhnosti ispol`zovaniya nacional`ny`x valyut v mezhdunarodny`x raschetax na prostranstve EAE`S i razvitie platezhno-raschetny`x mexanizmov stran-uchastnicz EAE`S i BRIKS // E`konomicheskie nauki. 2024. № 6 (235). S. 394–398.

Научная статья

УДК 341, 342, 346

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА БЛОГЕРОВ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Марчук Василий Васильевич, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск, Беларусь., vmarchbelmvd@mail.ru

Аннотация

Правовой статус блогеров как на территории России, так и на территории зарубежных государств, нельзя считать в достаточной мере урегулированным. Эта отрасль законодательства только формируется, и исходя из этого рассматриваются ее основные проблемы. В статье выделяется несколько подходов, исходя из которых государство регулирует статус и деятельность блогеров: в одних государствах статус блогеров регламентируется в контексте деятельности СМИ, хотя и с некоторым упрощением (Россия и большинство стран СНГ); западные государства в большей мере стремятся регламентировать деятельность блогеров в рамках законодательства о рекламе; отдельные государства формируют относительно самостоятельную отрасль законодательства о деятельности блогеров (Казахстан). При этом каких-либо преимуществ каждой из перечисленных моделей автор не усматривает. Основное внимание акцентируется на российском законодательстве и подзаконном регулировании, где положительно оценивается введение реестра блогеров, аудитория которых насчитывает более 10 000 человек. В качестве положительного изменения оценивается и введение рекомендаций для блогеров. Однако таковые содержат множество недостатков, в том числе неконкретность норм, сложность их толкования. Необязательный характер таких рекомендаций фактически нивелирует их роль в деле устранения недостатков в правовом регулировании. Автор не видит необходимым обязывать блогеров вступать в СРО, что также обосновывается в данной статье. По завершении статьи

предлагаются некоторые направления, в которых целесообразно развивать правовое регулирование статуса и деятельности блогеров.

Ключевые слова: блогер, блогинг, Интернет, правовой статус блогера, распространение информации, рекламная деятельность, СМИ

Статья поступила в редакцию 26.03.2025, одобрена после рецензирования 07.05.2025, принята к публикации 19.06.2025.

Original article

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF BLOGGERS IN RUSSIA AND ABROAD

Marchuk Vasily Vasilievich, Doctor of Laws, Professor, Department of Criminal Law, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Abstract

The legal status of bloggers both in Russia and in foreign countries cannot be considered sufficiently regulated. This branch of legislation is just being formed, and based on this, its main problems are being considered. The article highlights several approaches based on which the state regulates the status and activities of bloggers: in some states, the status of bloggers. It is regulated in the context of media activities, although with some simplification (Russia and most CIS countries); Western states tend to regulate the activities of bloggers to a greater extent within the framework of advertising legislation; individual states are forming a relatively independent branch of legislation on the activities of bloggers (Kazakhstan). At the same time, the author does not see any advantages of each of the listed models. The main focus is on Russian legislation and bylaws, which positively assesses the introduction of a register of bloggers with an audience of more than 10,000 people. The introduction of recommendations for bloggers is also assessed as a positive change. However, they contain many drawbacks, including the lack of specificity of the norms and the

complexity of their interpretation. The non-binding nature of such recommendations actually negates their role in addressing deficiencies in legal regulation. The author does not see it necessary to oblige bloggers to join SRO, which is also justified in this article. At the end of the article, some directions are suggested in which it is advisable to develop legal regulation of the status and activities of bloggers.

Keywords: blogger, blogging, Internet, legal status of a blogger, dissemination of information, advertising activities, mass media

Введение

Тематика правового регулирования статуса и деятельности блогеров актуализируется ввиду усиления вполне объективных тенденций в сфере общественно значимых коммуникаций, характеризующихся утратой былых позиций такими телевидением и радио. В этих условиях зачастую именно субъекты блогинга формируют повестку, транслируют ту или иную общественно значимую информацию широкой аудитории, влияя на общественное мнение и в определённой степени на многие процессы, происходящие в информационном поле.

Но если сфера традиционных коммуникаций регулируется уже давно и государства (как Россия, так и другие страны мира) накопили определённый опыт в этом направлении, то в сфере блогинга правовое регулирование находится на относительно низком уровне развития. В этих условиях чрезвычайно важным становится изучение не только отечественного, но и зарубежного опыта, чему посвящена данная статья.

Основная часть

Слово «блогер» (англ. «blog», от «web log» - «веб-журнал») обозначает индивида, распространяющего информацию в сети Интернет, как правило, ориентированную на неопределённый круг лиц. При этом, учитывая состояние современной правовой науки, нельзя говорить о наличии каких-либо универсальных подходов к регламентации их деятельности и статуса [3, с. 457].

В этом направлении и теория, и практика правового регулирования, и практика правоприменения находятся если не в зачаточном состоянии, то, по крайней мере близкой к нему.

Тем не менее, опыт России и многих зарубежных стран свидетельствует о заметном прогрессе в части совершенствования практик правового регулирования статуса и деятельности блогеров. Причём становятся вполне очевидными использование различных подходов к регламентации, рассматриваем сферы отношений в разных группах стран.

В частности, в пространстве СНГ статус и деятельность блогеров законодателями рассматривается чаще всего в качестве некоторого аналога деятельности средств массовой информации (СМИ) [3, с. 458]. Думается, что такой подход и логически, и юридически обоснован, учитывая, что в своей деятельности многие блогеры ведут деятельность аналогично деятельности СМИ. Особенно это касается тех субъектов, аудитория которых насчитывает миллионы пользователей.

В отдельных странах, находящихся в пространстве СНГ, основной акцент в части регулирования статуса и деятельности блогеров сделан на рекламе, которую многие из них используют в качестве источника. И в этой связи, например, в республиках Беларусь и Узбекистан деятельность блогеров регламентируется прежде всего нормами законодательства о рекламе. Причём терминологическая база блогинга, а также функционирования социальных сетей урегулированы слабо. Этот подход к регулированию деятельности блогеров для СНГ-пространства является нетипичным [3, с. 458].

Стоит признать, что и во многих западных странах в части регламентации статуса и деятельности блогеров внимание акцентируется именно на рекламном аспекте их деятельности. При этом для обозначения такого рода субъектов принято использовать либо понятие «блогер», либо понятие «инфлюенсер», причём не только в научной литературе, но и в нормативных правовых документах. В случае использования понятия «инфлюенсер» акцент делается

именно на способности блогеров влиять, на общественное мнение, хотя принципиальных различий де-факто в указанных понятиях нет, во всяком случае, если учесть сложившуюся практику регулирования.

С учётом изложенного представляется вполне оправданной используемая в отдельных западных странах регламентация деятельности блогеров именно в контексте предпринимательства, где зачастую раскрывается и содержание терминов «блогер» или «инфлюенсер» [3, с. 459].

Обратим внимание на опыт отдельных зарубежных государств, которые разрабатывают относительно обособленное законодательство в целях регламентации правового статуса и деятельности блогеров. В качестве примеров таковых можно назвать Республику Казахстан, где блогеры, как и социальные сети, рассматриваются в качестве относительно обособленного объекта юридически значимого воздействия. Примечательно, что на них в чистом виде не распространяются положения законодательства о СМИ, а также о рекламе [3, с. 459]. Это позволяет сделать вывод о формировании в отдельных государствах относительно самостоятельной отрасли правового регулирования. Хотя её условно можно рассматривать и как подотрасль иных отраслей законодательства.

Если оценивать правовое регулирование в целом на постсоветском пространстве, в рамках стран СНГ, то становится очевидным, что наиболее последовательно политика в этом направлении проводится Российской Федерацией, где установлены относительно жёсткие, с другой же стороны, понятные правила функционирования сферы блогинга и правового статуса блогеров. Раскрывая данный вопрос, нельзя не отметить исключительно положительно Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1] (далее – Федеральный закон № 149-ФЗ), предусмотревший обязанность блогеров, аудитория которых насчитывает более 10 000 пользователей, зарегистрироваться

в соответствующем реестре Роскомнадзора, сообщив определённый перечень сведений о себе и своей деятельности, согласно п. 1 ч. 1.1 ст. 10.6.

Вместе с тем, изменение порядка и условий деятельности блогеров и отношения государства к регулированию их статуса нельзя назвать однозначным. С одной стороны, в изменившемся порядке можно усмотреть наличие некоторых ограничений, ужесточение условий деятельности. С другой стороны, нельзя не признать, что многие положения законодательства, связанные с регулированием деятельности блогеров, являются объективной потребностью современного российского общества в целом и рынка интернет-рекламы в частности.

Нужно обратить особое внимание на то, что непринятие блогером мер, связанных с внесением в соответствующий реестр (при достижении аудитории 10 000 пользователей) исключает легальную возможность размещать на своей странице информацию, содержащую предложения о финансировании данного пользователя. В этом плане государство уверенно взяло под контроль данную деятельность, в том числе и в плане контроля финансовых потоков. Очевидно, что это способствовало легализации деятельности достаточно широкой категории лиц, которые могут быть признаны блогерами.

А.Г. Донских подчёркивает, что в настоящее время блогеры по своему юридическому статусу приравнены к пользователям социальных сетей с тем лишь отличием, что спектр их обязанностей становится более широким, как и спектр предъявляемых к ним требований [4, с. 454]. Соглашаясь с такой оценкой, представляется важным подчеркнуть и распространение на блогеров законодательства о рекламе и о предпринимательской деятельности, хотя непосредственно в актах, регламентирующих предпринимательство и рекламную деятельность, особого акцента на блогерах не делается.

Несмотря на определённое ужесточение порядка деятельности блогеров в целом, законодательство современной России остаётся в этом плане крайне либеральным, о чем свидетельствует целый ряд обстоятельств.

Прежде всего, блогеры, чья аудитория составляет менее 10 000 человек, каких-либо дополнительных обязательств перед государством не несут, за исключением тех, которые являются обязательными к соблюдению для любого другого гражданина. Вместе с тем, к блогеру применимы и все нормы законодательства о рекламе и предпринимательской деятельности. В этом плане он в качестве особого субъекта не выделяется.

Особо стоит отметить тенденцию к развитию саморегулирования в этой сфере деятельности, о чем свидетельствует, в частности принятие Рекомендаций для блогеров [2], где предприняты попытки упорядочить ряд нюансов деятельности, связанной с блогингом, и в том числе статусом блогеров. В частности, в рекомендациях уточнено понятие «блогер», которым признается лицо, осуществляющее деятельность, в том числе предпринимательскую, путём создания и размещения на регулярной основе в блогах контента лично, через посредников, через агентов, через творческую команду или иным способом, в том числе посредством третьих лиц. То есть подход к трактовке понятия «блогер» достаточно широкий, причём к таковым могут быть отнесены и физические лица, в том числе имеющие псевдоним, и организации.

Разного рода посредники к категории блогеров не относятся, если таковые размещают соответствующую информацию от имени какого-либо лица. Но важно подчеркнуть, что применительно к различным спорным ситуациям в качестве блогера может быть признано и лицо, которое предоставляет свои данные для идентификации.

С точки зрения уточнения понятия «блогер» указанные Рекомендации можно оценить сугубо положительно. Но можно ли считать, что вопросы статуса блогеров в России урегулированы должным образом? И де-факто, и де-юре Рекомендации не являются обязательными, а значит они не несут для тех или иных лиц существенных правовых последствий в случае их нарушения.

Важно обратить внимание ещё на один нюанс: в рассматриваемом документе представлены и рекомендации разрабатывать и распространять

контент исходя из принципов социальной ответственности, то есть высоких профессиональных стандартов информативности, объективности, точности, правдивости, уклоняться от всего, что может привести к преступлению.

Авторы и сторонники принятия указанного документа полагают, что он будет способствовать минимизации рисков для отечественных рекламодателей, упрощению входа на российский рынок заинтересованных зарубежных игроков [8]. С этим сложно согласиться. Думается, что существенных изменений в сложившуюся практику указанный документ не внесет, по крайней мере, с учётом их рекомендательного характера. Тем не менее его можно считать определённым шагом вперёд в части правового регулирования рассматриваемой сферы деятельности.

Здесь нельзя не отметить, что сами рекомендации во многом носят этический характер, а их содержание остаётся крайне размытым.

Вызывает некоторые беспокойства нацеленность на установление неких профессиональных стандартов, в том числе и упоминание о них в рассматриваемых рекомендациях. Думается, что требовать соблюдения профессиональных стандартов от блогеров не всегда уместно, особенно с учётом специфики их тематики. Зачастую, они не могут быть объективными, в том числе ввиду того, что высказывают именно собственное мнение, не зависящее от позиции редакции, какого-либо руководства, общественности и пр. Они не обязаны аргументировать свои позиции ссылками на какие-либо научные данные [6, с. 155].

Поэтому в отдельных нюансах даже рекомендательные нормы представляются излишне жёсткими и, будучи введёнными в обязательном для исполнения документе, они способны существенно осложнить деятельность. Принятие такого рода документов именно в качестве обязательных на сегодняшний день не представляется целесообразным.

Надо сказать, что в России давно уже ведутся дискуссии относительно правового регулирования деятельности блогеров. Причём отдельные авторы, в

частности [7], в обоснование такого регулирования, ссылаются на необходимость легализации их деятельности. С такой позицией можно поспорить. Думается, что о легализации чьей-либо деятельности можно вести речь только тогда, когда она является заведомо нелегальной. В случае же, когда деятельность в целом законодательству не противоречит, вопрос должен ставиться не о легализации, а именно о правовом регулировании, создании правового поля.

Считаем возможным в этой связи согласиться с позицией. А.Г. Донских в невозможности установления каких-либо единых этических стандартов для всей блогосферы, в том числе ввиду широкого разнообразия блогов, самой тематики и неконкретности понятия «блогер», которое закреплено лишь на рекомендательном уровне [4, с. 455].

Стоит сказать, что в России до сих пор слабым местом правового регулирования статуса блогеров и их деятельности является охрана авторских прав. Законодательство на этом особую внимания не акцентирует. В то же время многие зарубежные страны, особенно западные, данный аспект деятельности регламентируют особо тщательно, в том числе устанавливая и для Интернет-платформ определённые требования в части обязывания использовать технологии фильтрации и мониторинга контента именно для защиты авторских прав блогеров [5, с. 555].

Можно представить, в каком направлении будет развиваться как отечественное, так и зарубежное право в части регулирования статуса блогеров. Думается, что в этом плане однозначна тенденция на ужесточение регулирования, хотя, учитывая специфику деятельности блогеров, здесь будет сохраняться определённый либерализм, в том числе проявляющийся в сохранении саморегулирования.

В этой связи стоит сказать, что в России в 2023 году была зарегистрирована первая саморегулируемая Ассоциация блогеров и агентств в (АБА), в качестве цели которой провозглашалось установление диалога с

государством и создание «белого списка» крупных и надёжных игроков рынка инфлюенс-маркетинга, а также саморегулирование блогерской деятельности, основанной на обязательном членстве [9]. Такой подход в определённой степени оправдан. Однако он может нести в себе и крайне негативные последствия, особенно с учётом не вполне сформированной правоприменительной практики, расплывчатости норм. Более того, использование представителями данной организации понятия «белого списка» наводит на мысль о возможности появления и так называемого «чёрного списка», в который могут быть внесены те блогеры, которые по каким-либо причинам в СРО не состоят, даже будучи вполне добросовестными. Конечно, такой подход, который заведомо несёт в себе риски для репутации не состоящих в соответствующем объединении лиц.

Заключение

Правовой статус блогеров на территории России и других государств не одинаков, и в целом отражает отсутствие какой-либо единой модели или подхода для правового регулирования. Однако такие подходы формируются и в целом можно сказать о зарождении относительно самостоятельной отрасли или подотрасли законодательства. Причем в каждом государстве используется свой подход. И обобщённо можно выделить несколько моделей регулирования.

В России и многих других странах статус блогеров во многом отождествляется со статусом СМИ, хотя и с некоторой спецификой; в других государствах, прежде всего западных, основной акцент делается на рекламной составляющей, соответственно, нормы статусе блогеров находятся в рамках рекламного законодательства; есть и некоторые государства, в которых сфера блогинга является относительно самостоятельной. Сложно сказать, какой именно подход наиболее эффективен, однако в сложившихся условиях избранная Россией модель представляется вполне приемлемой.

Внедрение условий об обязательном членстве блогеров в СРО представляется преждевременным и крайне необоснованным, хотя есть и немало сторонников такого подхода, который в России не применяется.

Можно отметить недостаточное развитие нормативной базы, определяющей именно статус блогеров. Это выражается в том числе и в отсутствии нормативно закреплённого определения. Думается, что российское законодательство в этом плане должно быть дополнено соответствующим комплексом норм, которые бы определяли статус блогеров и упорядочивали их деятельность, при сохранении относительно либерального подхода. В этой связи установление жёстких этических требований представляется хотя и уместным, однако нецелесообразным.

Возможно, имеет смысл рассмотреть вопрос о разграничении статуса профессионального блогера и блогера, не являющегося и профессиональным. Это особенно важно для избежания установления излишне жёстких правил для начинающих субъектов блогерской деятельности.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч.1). Ст. 3448.
2. Рекомендации блогерам по добросовестным практикам в маркетинговых коммуникациях» (версия от 14.03.2025) // Официальный интернет-портал АРИР. URL: interactivead.ru/regulations/standards/bloggers/
3. Вербицкая Ю.В. Тенденции правового регулирования деятельности блогеров в России и за рубежом // Образование и право. 2023. № 10. С. 457-461.
4. Донских А.Г. К вопросу об этико-правовом регулировании блогосферы // Динамика медиасистем. 2025 Том 5, Вып. 1. С. 451-457.

5. Ибрагимова А.К., Хасанов Р.А. Опыт зарубежных государств в области защиты авторских прав блогеров // Вестник науки. 2024. Т. 2, № 11(80). С. 548-556.
6. Капустина А.Г. Правовой статус журналистов и блогеров в новейшем информационном законодательстве Российской Федерации // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2015. № 1. С. 153-160.
7. Костин Д.М. Необходимость легализации деятельности блогеров в России // Научный журнал. 2023. № 1 (66). С. 12-18.
8. Мамонова Е. Рекламная отрасль саморегулируется // Портал «Проекты России»: спецпроект Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2025/04/01/reklamnaia-otrasl-samoreguliruetsia.html>
9. Небытова А.М. Некоторые правовые аспекты регулирования предпринимательской деятельности блогеров // Академия права. 2024. № 1(4). С. 27-33.

References

1. Federal'ny`j zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ (red. ot 24.06.2025) «Ob informacii, informacionny`x texnologiyax i o zashhite informacii» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2006. № 31 (ch.I). St. 3448.
2. Rekomendacii blogeram po dobrosovestny`m praktikam v marketingovy`x kommunikaciyax» (versiya ot 14.03.2025) // Oficial'ny`j internet-portal ARIR. URL: interactivead.ru/regulations/standards/bloggers/
3. Verbiczskaya Yu.V. Tendencii pravovogo regulirovaniya deyatel`nosti blogerov v Rossii i za rubezhom // Obrazovanie i pravo. 2023. № 10. S. 457-461.
4. Donskix A.G. K voprosu ob e`tiko-pravovom regulirovanii blogosfery` // Dinamika mediasistem. 2025 Tom 5, Vy`p. 1. S. 451-457.
5. Ibragimova A.K., Xasanov R.A. Opy`t zarubezhny`x gosudarstv v oblasti zashhity` avtorskix prav blogerov // Vestnik nauki. 2024. Т. 2, № 11(80). S. 548-556.

6. Kapustina A.G. Pravovoj status zhurnalistov i blogerov v novejshej informacionnoj zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2015. № 1. S. 153-160.
7. Kostin D.M. Neobxodimost' legalizacii deyatel'nosti blogerov v Rossii // Nauchnyj zhurnal. 2023. № 1 (66). S. 12-18.
8. Mamonova E. Reklamnaya otrasl' samoreguliruetsya // Portal «Proekty` Rossii»: speczproet Rossijskoj gazety`. URL: <https://rg.ru/2025/04/01/reklamnaia-otrasl-samoreguliruetsia.html>
9. Neby'tova A.M. Nekotory'e pravovy'e aspekty` regulirovaniya predprinimatel'skoj deyatel'nosti blogerov // Akademiya prava. 2024. № 1(4). S. 27-33.

Научная статья

УДК 341, 346

АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА УСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУКМЕКЕРСКИХ КОНТОР

**Исаева Клара Асангазыевна, д.ю.н., профессор, кафедра «Уголовного
процесса и судебной экспертизы», Кыргызский национальный
университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек, Кыргызстан,
klaraisaeva.kg@gmail.com**

Аннотация

Букмекерские конторы в экономике большинства современных государств занимают особое место, стимулируя интерес к большому спорту. Однако способствуют и некоторым весьма негативным явлениям, в частности, так называемой игровой зависимости. Исходя из этого государства принимают определенные меры правового характера, нацеленные на упорядочение соответствующих общественных отношений: в одних странах устанавливаются весьма жесткие правила деятельности таких организаций, с соответствующими ограничениями; в других же государствах их деятельность вовсе запрещается. При этом практически все страны ведут жесткую политику, нацеленную на противодействие деятельности нелегальных букмекерских контор, и подходы к решению проблемных вопросов используются неодинаковые. С учетом этого в статье рассматривается опыт как Российской Федерации, так и некоторых других государств в части ограничения и контроля букмекерского бизнеса. Обосновывается нецелесообразность установления полного запрета на осуществление деятельности букмекерских контор, в том числе в интернет-пространстве. Вместе с тем аргументируется необходимость предельно последовательного и жесткого регулирования этой сферы отношений, особенно в части установления справедливых условий заключения пари на исходы спортивных событий: это направления законодателем пока развивается недостаточно.

Ключевые слова: букмекерская контора, игорная зона, игорный бизнес, пари, спортивные ставки

Статья поступила в редакцию 09.05.2025, одобрена после рецензирования 16.06.2025, принята к публикации 19.06.2025.

Original article

ANALYSIS OF FOREIGN EXPERIENCE IN ESTABLISHING LEGAL RESTRICTIONS ON THE ACTIVITIES OF BOOKMAKERS

Klara Isaeva, Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Procedure and Forensic Examination, Jusup Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract

Bookmakers occupy a special place in the economy of most modern states, stimulating interest in big-time sports. However, they also contribute to some very negative phenomena, in particular, the so-called gambling addiction. Based on this, States are taking certain legal measures aimed at streamlining relevant public relations: in some countries, very strict rules for the activities of such organizations are established, with appropriate restrictions; in other States, their activities are completely prohibited. Moreover, almost all countries have strict policies aimed at countering the activities of illegal bookmakers, and approaches to solving problematic issues vary. With this in mind, the article examines the experience of both the Russian Federation and some other countries in terms of restricting and controlling the betting business. The author substantiates the inexpediency of establishing a complete ban on the activities of bookmakers, including in the Internet space. At the same time, it argues for the need for extremely consistent and strict regulation of this area of relations, especially in terms of establishing fair conditions for betting on the outcome of sporting events.: The legislator is still developing these areas insufficiently.

Keywords: bookmaker, gambling zone, gambling, betting, sports betting

Введение

Особый интерес государства к сфере игорного бизнеса вполне объясним: это тот сегмент экономики, который достаточно динамично развивается [3, с. 83], а сам бизнес букмекерских контор является высокомаржинальным. Однако обусловленность игровой деятельностью многих негативных эффектов, в частности, так называемой игровой зависимости, вынуждает государство устанавливать весьма жёсткие условия такой деятельности.

Нельзя не сказать и о наличии большого перечня рисков, которые имеют место в сфере игровой деятельности. Это тоже обуславливает необходимость особо тщательного подхода к правовому регулированию данной сферы. Хотя, надо сказать, государство с этой задачей не вполне эффективно справляется, и по-прежнему продолжают оставаться актуальными вопросы обеспечения справедливых, понятных и открытых правил проведения азартных игр и заключения спортивных пари, предупреждения участия несовершеннолетних граждан в азартных играх, предупреждения преступности, особенно с учётом широкой популярности нелегальных букмекерских контор [2, с. 63]. Отсюда и необходимость изучения зарубежного опыта, наряду с отечественным опытом.

Основная часть

Начать анализ проблематики следует с Федерального закона от 29.12.2006 № 244-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [1] (Закон № 244-ФЗ), который регламентирует основные нюансы рассматриваемой деятельности, в том числе и ключевые термины.

В п. 14 ст. 4 букмекерская контора определена как «игорное заведение, в котором организатор азартных игр заключает пари с участниками данного вида

азартных игр». Можно сказать, что это ключевой субъект рассматриваемой деятельности.

Соответственно, пари в п. 2 ст. 4 трактуется как «азартная игра, при которой исход основанного на риске соглашения о выигрыше, заключаемого двумя или несколькими участниками пари между собой либо с организатором данного вида азартной игры, зависит от события, относительно которого неизвестно, наступит оно или нет». Применительно к отечественным букмекерским конторам речь идёт именно о спортивных ставках.

Такая деятельность достаточно жёстко регламентируется и ограничивается нормами указанного Закона. В частности, Законом устанавливаются сами требования к организаторам азартных игр и игорным заведениям, требования к посетителям игорного заведения. Более того, регламентируется и организация игорных зон. Особое место в указанном Законе отведено установлению ограничений деятельности букмекерских контор вне игорных зон, в том числе в сети Интернет. Здесь нельзя не обратить внимание на обязательность прохождения процедуры лицензирования.

Особую роль играет и такой инструмент, как Центр учёта и перевода интерактивных ставок (ЦУПИС), выступающий одновременно и организацией, обеспечивающей учёт пари и проведение денежных расчётов между букмекерскими конторами и игроками, и своего рода Интернет-сервисом, в котором концентрируется информация, обеспечивающая возможность осуществления налогообложения доходов, полученных от выигрышей [3, с. 84].

Результатом установления жёстких ограничений и регулирования в целом букмекерского бизнеса порождает некоторые особенности, в частности, наличие высокого порога для входа на рынок для соответствующих бизнес-субъектов. [3, с. 84]. Такой подход можно считать в целом оправданным, поскольку соответствие высоким требованиям означает, что компания, чья деятельность основана на риске, будет способна исполнять собственные

обязательства как перед персоналом, так перед государством и игроками, выплачивая налоги, выигрыши, заработную плату и пр.

Установление высокого порога для входа на рынок позволяет сократить и предупредить чрезмерный рост количества субъектов игровой деятельности, по крайней мере, с точки зрения социальной политики государства это представляется оправданным.

Другой особенностью можно считать рост нелегального рынка [3, с. 84]. Данная тенденция представляется вполне объяснимой, поскольку многие субъекты, которые желали бы на букмекерский рынок зайти, не соответствуют высоким установленным требованиям по тем или иным причинам. Именно поэтому в обход закона они пытаются осуществлять деятельность по приёму ставок на спортивные события. Безусловно, такая деятельность строго наказывается, в том числе в соответствии с уголовным законодательством, что, однако, недобросовестных субъектов.

Примечательно, что такая проблема остаётся актуальной не только для государств, где деятельность букмекерских контор является легальной, конечно же, при условии прохождения лицензирования, но и в тех странах, где она полностью запрещена. То есть в целом данная проблема присуща рассматриваемый в сфере отношений вне зависимости от того, о каком государстве ведётся речь.

Причин, по которым услуги нелегальных игорных заведений пользуются спросом, масса. В их числе можно отметить и более привлекательные условия для игроков, хотя в этих условиях и более высокими становятся риски (блокировка аккаунта, необоснованный отказ в выплате выигрыша и пр.).

Говоря об ограничениях деятельности букмекерских контор, нельзя не отметить, что во многом российское законодательство совпадает с законодательством зарубежным. И здесь стоит обратить внимание на некоторые особенности, сложившиеся в условиях правовой системы западных стран.

Так, в Великобритании деятельность букмекерских контор регламентирована достаточно детально, что во многом обусловлено и давней историей существования в ней игорного бизнеса. Причём закон, регламентирующий в настоящее время рассматриваемую сферу деятельности, действует лишь с 2005 года. В нём, как и в российском законодательстве, установлены в качестве обязательных условия прохождения процедуры лицензирования, жёсткий контроль, специальная регламентация порядка приёма спортивных ставок в сети Интернет. Но особую роль играет принцип прозрачности [Билык, с 84]. В этом плане придание особой роли принципу прозрачности российскому законодательству следовало бы позаимствовать в рамках совершенствования правовой основы деятельности букмекерских контор.

Вместе с тем, некоторых преимуществ, свойственных российскому подходу к правовому регулированию, в Великобритании нет. В частности, специальная система учёта финансовых операций, аналогичная системе, используемой в ЦУПИС, там отсутствует [5, с 85]. В этом плане создание ЦУПИС как инструмента, существенно ограничившего различные злоупотребления и обеспечивающего некоторую упорядоченность налогообложения, можно оценить исключительно положительно.

Некоторые особенности регулирования деятельности букмекерских контор имеют место и в США. Причём эти особенности продиктованы не столько самим подходом государства к регулированию букмекерской деятельности, сколько спецификой правовой системы в целом. Традиционно штаты имеют крайне широкую возможность самостоятельного решения правовых вопросов, вплоть до регулирования уголовной ответственности. В этой связи на федеральном уровне в США обеспечено регулирование лишь общих аспектов тех или иных правоотношений. Соответственно, каждый штат самостоятельно решает вопросы установления запретов или разрешений на ведение букмекерской деятельности. И несмотря на относительно либеральную

модель экономики и развитие всех сегментов рынка, именно деятельность букмекерских контор не слишком поощряется. Лишь в отдельных штатах деятельность игорных заведений признается легальной, причём при условии прохождения весьма жёсткого лицензирования [3, с. 85].

Нельзя не отметить, что до 2018 года приём ставок на спортивные события, во всяком случае, в сети Интернет, в США находился под запретом. В этом плане большинство стран Запада выгодно отличались от США. В настоящее же время такие различия нивелированы. Тем не менее, американская модель регулирования деятельности букмекерских контор и установления ограничений расценивается как уникальная, хотя и характеризующаяся наличием определённых проблем [6, с. 153].

Особо стоит сказать о правовом регулировании деятельности букмекерских контор и установлении соответствующих ограничений на Филиппинах. Там имеет место весьма жёсткий контроль и законодательство, действует специальный орган, имеющий широкие полномочия в сфере осуществления контроля за деятельностью букмекерских контор. Весьма примечателен и опыт Филиппин в части допущения на рынок офшорных букмекеров: им предоставляется лицензия, но именно при условии ориентированности на зарубежных игроков. Примечательно и то, что доступ к участию в пари для граждан на Филиппинах остаётся ограниченным, за исключением некоторых игорных зон. Такой подход в литературе характеризуется как эффективная мера защиты населения от негативных последствий участия в азартных играх; одновременно это способствует и стимулированию туризма [3, с. 86].

Нельзя не обратить внимание, что в отдельных государствах игорная деятельность, в том числе связанная с приёмом ставок на спортивные события, находится под полным запретом и преследуется в уголовном порядке. Среди них выделяются Афганистан, Пакистан, Саудовская Аравия. Китай, Таиланд. Иордания, Иран, Турция. Примечательно, что во многих из этих государств

остаются легальными лотереи, пари и тотализаторы, под запрет же чаще попадает именно казино [4, с. 80], которые в данном случае нами не рассматриваются. Здесь уместно подчеркнуть, что запреты на осуществление игровой деятельности или же максимально жёсткие её ограничения в большей мере характерны для стран, право которых основано на нормах ислама в большей или меньшей степени.

Особую специфику в плане регулирования и установления ограничений рассматриваемого вида деятельности демонстрирует Китай, где деятельность игорных заведений находится под жёстким запретом, однако на отдельных территориях, в частности, Макао, она разрешена [7].

Стоит сказать, что в странах Запада, прежде всего в европейских, особое внимание уделяется обеспечению правовой охраны и защиты интересов участников азартных игр и спортивных пари в том числе. Об этом свидетельствует достаточно развитая судебная практика рассмотрения споров, в том числе о неуплате букмекерской конторой выигрыша. Причём наиболее развита такая практика в США [6, с. 154-156]. В России, к сожалению, подобная практика должного развития не получила, хотя все условия для этого имеются.

С учётом специфики подходов к правовому регулированию деятельности букмекерских контор, в литературе все государства условно подразделяются на несколько категорий:

- страны, в которых игорная деятельность запрещена и не подлежит лицензированию, однако зарубежные компании имеют доступ на национальный рынок страны посредством сети Интернет;

- страны, в которых игорная деятельность в сети Интернет запрещена, в том числе и ограничен доступ к зарубежным интернет-сервисам, организующим азартные игры;

- страны, в которых азартные игры разрешены при условии прохождения лицензирования;

- страны, в которых какие-либо запреты отсутствуют [8, с. 86].

Таким образом, какой-то единый подход не сложился; каждое государство разрешает вопрос ограничений исходя из собственных интересов. Однако в подавляющем большинстве государств преследуются по закону нелегальную организацию игорной деятельности. Причём в одних странах установлены специальные нормы уголовного законодательства, предусматривающий ответственность именно за незаконную организацию азартных игр, других же нелегальная игорная деятельность подпадает под общие нормы об уголовной ответственности [9, с. 83-84].

Заключение

Проанализировав отечественный и зарубежный опыт, можно положительно оценить российское законодательство с точки зрения правового регулирования деятельности букмекерских контор и установления ограничений для них. Однако это законодательство совершенным назвать было бы ошибкой, в нём тоже имеются определённые недостатки. Например, практически никак не регламентируются условия заключения пари и разрешения споров, возникающих между букмекерскими конторами и игроками (клиентами букмекерских контор), которые остаются крайне незащищёнными. Это одно из тех направлений, в котором следует развивать действующее законодательство.

Полагаем, что законодатель должен проанализировать правоприменительную практику, и в том числе те споры, которые возникают между игроками букмекерских контор и самими букмекерскими конторами, и рассмотреть вопрос о более жёстком регулировании. Здесь целесообразно ввести ряд ограничений, которые исключили бы произвольное принятие решений букмекерской конторой относительно споров с игроками, особенно связанных с блокировкой аккаунтов.

С учётом этого есть необходимость дополнения Закона № 244-ФЗ новой главой, содержащей детализированные нормы, ограничивающие чрезмерную свободу букмекерской конторы в части рассмотрения спорных ситуаций и обеспечивающие прозрачность, справедливость, законность этой процедуры.

В любом случае, независимо от выбранного подхода к регулированию, и автор считает недопустимым запрет на осуществление игровой деятельности, в том числе по приему ставок на спортивные события: данная сфера отношений способствует стимулированию интереса к спорту и повышает налогооблагаемую базу.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 7.
2. Анцыгин А.В. Сравнительно-правовое исследование законодательства России и зарубежных стран об азартных играх // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 3. С. 62-65.
3. Билык Р.Е., Савченко О.Г. Регулирование букмекерской деятельности в разных странах мира: международный опыт и российская действительность // Вестник Международного института рынка. 2025. № 1. С. 83-88.
4. Гузинец К.В. Игровой бизнес в России и за Рубежом // Микроэкономика. 2014. № 3. С. 79-82.
5. Ерыгин Д.А. Ведение букмекерского бизнеса в России, Беларуси и Великобритании: основные требования и практические проблемы // Вопросы российской юстиции. 2020. № 5. С. 72-90.
6. Макитова Ф.А. Правовые механизмы контроля и надзора на рынке азартных услуг: зарубежные модели и практики // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 11. С. 151-159.
7. Нестеров А.Г. Специальный административный район КНР Аомэнь (Макао): особенности внешнеэкономической деятельности // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Том 14. № 11А. С. 322-332.

8. Оленев-Сигачев Ю.А. Правовое регулирование отношений пользователей и операторов игорных заведений, размещенных в сети Интернет, в России и зарубежных странах // Вестник РПА. 2021. № 1. С. 84-89.
9. Солодина С.А. Исторический опыт регламентации ответственности за проведение азартных игр в зарубежных странах // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 3 (19). С. 77-85.

References

1. Federal'nyj zakon ot 29.12.2006 № 244-FZ (red. ot 24.06.2025) «O gosudarstvennom regulirovanii deyatel'nosti po organizacii i provedeniyu azartny'x igr i o vnesenii izmenenij v nekotory'e zakonodatel'ny'e akty' Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2007. № 1 (ch. I). St. 7.
2. Ancygin A.V. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie zakonodatel'stva Rossii i zarubezhny'x stran ob azartny'x igrax // Probely' v rossijskom zakonodatel'stve. Yuridicheskij zhurnal. 2016. № 3. S. 62-65.
3. Bilyk R.E., Savchenko O.G. Regulirovanie bukmekerskoj deyatel'nosti v razny'x stranax mira: mezhdunarodnyj opyt i rossijskaya dejstvitel'nost' // Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ry'nka. 2025. № 1. S. 83-88.
4. Guzinecz K.V. Igornyj biznes v Rossii i za Rubezhom // Mikroekonomika. 2014. № 3. S. 79-82.
5. Erygin D.A. Vedenie bukmekerskogo biznesa v Rossii, Belarusi i Velikobritanii: osnovny'e trebovaniya i prakticheskie problemy' // Voprosy' rossijskoj yusticii. 2020. № 5. S. 72-90.
6. Makitova F.A. Pravovy'e mexanizmy' kontrolya i nadzora na ry'nke azartny'x uslug: zarubezhny'e modeli i praktiki // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2023. № 11. S. 151-159.
7. Nesterov A.G. Special'nyj administrativnyj rajon KNR Aome'n' (Makao): osobennosti vneshnee'konomicheskoy deyatel'nosti // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. 2024. Tom 14. № 11A. S. 322-332.

8. Olenev-Sigachev Yu.A. Pravovoe regulirovanie otnoshenij pol'zovatelej i operatorov igorny`x zavedenij, razmeshhenny`x v seti Internet, v Rossii i zarubezhny`x stranax // Vestnik RPA. 2021. № 1. S. 84-89.
9. Solodina S.A. Istoricheskij opy`t reglamentacii otvetstvennosti za provedenie azartny`x igr v zarubezhny`x stranax // Obshhestvo, pravo, gosudarstvennost`: retrospektiva i perspektiva. 2024. № 3 (19). S. 77-85.

Научная статья

УДК 341, 342.4

СООТНОШЕНИЕ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНОГО ЗАКОНА СТРАНЫ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

**Бородинова Татьяна Геннадьевна, д.ю.н., заведующий кафедрой уголовно-
процессуального права, Северо-Кавказский филиал Российского
государственного университета правосудия, Краснодар, Россия,
esokostanekb@gmail.com**

Аннотация

Статья посвящена анализу соотношения Всеобщей декларации прав человека 1948 г. с Основным Законом страны в национальной правовой системе. Дана краткая правовая характеристика Конституции РФ и оценка её юридической роли. Основное внимание обращено на высшую юридическую силу Конституции, с учётом чего сформулирован вывод о невозможности признания за каким-либо иным актом аналогичной юридической силы. И в отсутствие Основного Закона страны говорить о признании общепризнанных принципов и норм международного права, в том числе и получивших закрепление во Всеобщей декларации, не приходилось бы. Также рассмотрен юридический статус Всеобщей декларации и приведены мнения ряда исследователей о ней, в целом отмечающих ее формальную необязательность при фактическом признании особой значимости закрепленных в ней прав и свобод. В этом выражается несоответствие формального юридического статуса Всеобщей декларации ее фактическому правовому значению. В результате автор приходит к выводу о том, что Всеобщая декларация, как и другие международные правовые акты, признается и исполняется лишь постольку, поскольку это допускается национальным правом и, прежде всего, Конституцией как ключевым источником национального права.

Ключевые слова: Всеобщая декларация прав человека, Конституция РФ, общепризнанные нормы и принципы международного права, Основной Закон, основные права человека, правовая система

Статья поступила в редакцию 31.03.2025, одобрена после рецензирования 29.04.2025, принята к публикации 19.06.2025.

Original article

THE RELATIONSHIP OF THE UNIVERSAL DECLARATION OF HUMAN RIGHTS AND THE BASIC LAW OF THE COUNTRY IN THE NATIONAL LEGAL SYSTEM

Tatiana Borodinova, Doctor of Law, Head of the Department of Criminal Procedure Law, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Abstract

The article is devoted to the analysis of the correlation of the Universal Declaration of Human Rights of 1948 with the Basic Law of the country in the national legal system. A brief legal description of the Constitution of the Russian Federation and an assessment of its legal role are given. The main attention is paid to the supreme legal force of the Constitution, with this in mind, the conclusion is formulated that it is impossible to recognize any other act of similar legal force. And in the absence of the country's Basic Law, there would be no need to talk about recognizing universally recognized principles and norms of international law, including those enshrined in the Universal Declaration. The legal status of the Universal Declaration is also considered and the opinions of a number of researchers about it are given, generally noting its formal non-obligation while actually recognizing the special importance of the rights and freedoms enshrined in it. This expresses the discrepancy between the formal legal status of the Universal Declaration and its actual legal meaning. As a result, the author comes to the conclusion that the Universal Declaration, like other international legal

acts, is recognized and enforced only insofar as it is allowed by national law and, above all, the Constitution as a key source of national law.

Keywords: Universal Declaration of Human Rights, Constitution of the Russian Federation, universally recognized norms and principles of international law, Basic Law, fundamental human rights, legal system

Введение

Конституция РФ [1], имеющая статус Основного Закона страны, наделена высшей юридической силой, согласно ч. 1 ст. 15, что означает отсутствие в рамках российской юрисдикции каких-либо иных нормативных правовых актов (далее – НПА), которые бы имели в сравнении с ней приоритет.

Такой подход к формированию национального законодательства получил признание и применение не только в условиях российской правовой системы, но и в других странах мира, где национальные конституции тоже признаются источниками права, имеющими высшую юридическую силу.

Тем не менее, некоторые обстоятельства порождают вопросы относительно соотношения Основного Закона страны с Всеобщей декларацией прав человека [2] (далее – Всеобщая декларация), которую можно считать базовым источником международного права, закрепляющим, соответственно, права человека.

Основная часть

В Основном Законе страны, хотя о Всеобщей декларации и не упоминается, но неоднократно говорится о роли общепризнанных принципов и норм международного права. Например, такие упоминания имеются в преамбуле Конституции РФ, что отражает их особую роль не только в правовом, но и в политико-идеологическом аспекте.

В ч. 4 ст. 15 Конституции РФ принципы и нормы международного права провозглашаются в качестве составной части российской правовой системы. Причем той же статьей установлен приоритет международного договора перед

законом, если их нормы противоречат друг другу. В этом случае очевидно, что речь идёт не об Основном Законе, а о прочих законах. При этом и федеральные конституционные законы, как нам представляется, тоже в этом случае не учитываются.

Ч. 1 ст. 17 Конституции гарантии прав и свобод человека и гражданина характеризует как основанные на общепризнанных принципах и нормах международного права. В ч. 1 ст. 63 Конституции об общепризнанных принципах и нормах международного права упоминается в контексте обеспечения гарантий политического убежища для лиц, имеющих иностранное гражданство либо гражданства вовсе не имеющих. Ч. 1 ст. 69 Конституции в контексте общепризнанных принципов и норм международного права закрепляет гарантии коренным многочисленным народам.

То есть авторы российской конституции во многом ориентировались именно на международные принципы и нормы. Тем не менее, нельзя сказать, что именно международное право обладает в российской правовой системе (с учётом конституционных положений) безусловным приоритетом.

Вообще, иерархия НПА, в том числе законодательных НПА, в действующей Конституции РФ зафиксирована относительно конкретно, и нельзя усомниться в том, что именно Конституция является основой всей российской правовой системы, причём как де-факто, так и де-юре. Ей, безусловно, должны соответствовать все прочие правовые акты, которые на территории Российской Федерации принимаются, в том числе и федеральные конституционные законы.

Общепризнанные принципы и нормы, исходя из идеи авторов Конституции, рассматриваются именно в контексте российской правовой системы. И очевидно, что Российская Федерация, проводя свою политику, в том числе и обеспечивая конституционное развитие, ориентируется, в том числе, на общепризнанные принципы и нормы международного права. Воплощением таких норм, без сомнения, выступает Всеобщая декларация. К содержанию её норм считаем крайне важным обратиться.

Идеи свободы, равенства и уважения прав личности пронизывают практически все нормы данной Декларации, закрепляя при этом обязательства государств строго придерживаться таких идей. И если обобщённо характеризовать нормы указанной Декларации, то можно сказать, что они в части охраны прав и свобод человека и гражданина во многом совпадают с конституционными нормами.

Но нельзя не подчеркнуть размытость многих положений Декларации и наличие ссылок на национальное законодательство. В частности, ст. 8 гласит, что каждый человек имеет право на восстановление в правах компетентными национальными судами и случаях нарушения его прав, предоставленных ему конституцией или законом.

Нет сомнений в том, что международному праву в российской правовой системе и де-факто, и де-юре придаётся особое значение, и тот факт, что соответствующие принципы и нормы международного уровня рассматриваются в рамках российской правовой системы, не даёт возможности сделать однозначный вывод о соотношении Всеобщей декларации с Основным Законом страны, если данную проблему рассматривать именно с теоретических позиций, а не с позиции формальной логики или с позиции национальных (государственных) интересов.

Уместно обратиться к диссертационным работам, в которых освещалась проблематика именно Всеобщей декларации и проблематика конституционно-правового регулирования применительно к российской правовой системе. Например, в диссертации Н.Н. Красновой Всеобщая декларация характеризовалась как главный международный документ, в котором были воплощены важнейшие свободы. Причём в списке литературы и нормативно-правовых документов, размещённых по их юридической силе от наиболее значимого к наименее значимому, Всеобщая декларация упоминается первой, а Конституция РФ, как ни странно, размещается после [6, с. 120, 197].

Конечно, данное обстоятельство ни в коем случае нельзя рассматривать как однозначное подтверждение превалирования Всеобщей декларации над Конституцией, особенно с учётом того, что упоминаемая диссертация была выполнена не по юридическому, а по философскому направлению.

В других работах, в частности, диссертации С.Б. Оленева, в качестве приоритетного источника в списке литературы, напротив, указывается Конституция, после неё – Устав ООН, а уже далее – Всеобщая декларация [8, с. 184].

Примечательно, что в диссертации В.Е. Мушакова, посвящённой правам человека в условиях цифровизации, где анализируется именно конституционно-правовая проблематика, о Всеобщей декларации и вовсе ни разу не упоминается [7].

Вообще в научной литературе правовой тематики является довольно распространённым мнение о том, что Всеобщая декларация, принятая именно в рамках резолюции Генассамблеи ООН, де-юре не является обязательной к исполнению, а носит всего лишь рекомендательный характер, хотя и признаётся, что значение этого документа неопределимо [3, с. 59].

Конечно поддержать такую позицию крайне сложно, особенно если учесть некоторые положения Всеобщей декларации. В частности, уже в преамбуле говорится, что государства-члены обязались содействовать всеобщему уважению и соблюдению прав человека. Также многие нормы сформулированы на основе употребления понятия «должен» («должны», «должно»). Причём ни разу в Декларации не упоминается о том, что рекомендуется или не рекомендуется. Уже эти обстоятельства свидетельствуют о том, что несмотря на саму декларативность рассматриваемого документа, он именно обязывает принявшие его государства следовать определённому пути в части обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

А.М. Дроздова и М.Б. Ревна, высказываясь о проблематике статуса Всеобщей декларации, допускают признание её характера рекомендательным

именно с учётом ее принятия резолюцией. При этом указанные авторы подчёркивают, что объективно де-юре это документ необязательный. Одновременно с этим они предлагают подумать над тем фактом, что результат практики государств может быть воспринят в начале как обычай, а в последующем признаваем юридической нормой [4, с. 84]. То есть, если исходить из того, что закреплённые в рассматриваемой Декларации нормы находились в ранге правовых обычаев и получили общепризнанный характер, то условно они могут рассматриваться и в качестве обязательных.

В обоснование изложенной позиции указанные авторы отмечают имеющиеся примеры перехода норм обычного права в статус норм, зафиксированных в договорах [4, с. 74]. Исходя из этого, можно полагать, что и получившие воплощение во Всеобщей декларации нормы де-факто приобрели такой статус, особенно с учётом их закрепления в основных законах многих государств, в том числе в Основном Законе Российской Федерации.

Указанные авторы вместе с тем избегают однозначной оценки Всеобщей декларации с точки зрения её юридической силы, подчёркивая дискуссионный характер этого вопроса [4, с. 74].

Б.Б. Хубиев, М.С. Тамазов и З.А. Атабиева указывают, что при принятии Декларация носила характер именно рекомендательного правового акта, но ее положения подавляющее большинство стран мира признали в качестве юридических обязательств или стали использовать в качестве нормативной базы новых международных соглашений [9, с. 57]. То есть юридическая сила Всеобщей декларации обуславливается не столько де-юре, сколько де-факто, исходя из её признания, принятия и опоры государств на ее, стремящихся добровольно ей следовать.

А.С. Исполиновым подчёркивается отсутствие чётко выраженной юридической силы и механизма принуждения применительно к Всеобщей декларации [5, с. 106]. Эти обстоятельства порождают весьма существенные сомнения в том, что юридическая сила рассматриваемой Декларации

действительно сопоставима с юридической силой Конституции или международных актов, имеющих высший статус.

Другим немаловажным обстоятельством, характеризующим Всеобщую декларацию, указанный автор отмечает спорность тезисов о ее всеобщности и универсальности [5, с. 106], с чем тоже можно согласиться. Ведь де-юре обязательной силы она не имеет. И если учесть, что де-юре данная Декларация не обязательна, то и сопоставлять её с Основным Законом страны нет юридических оснований.

Заключение

Таким образом, Основной Закон страны имеет безоговорочный приоритет перед Всеобщей декларацией. Тем не менее, некоторые незначительные сомнения в наличии такого приоритета порождает тот факт, что именно в Основном Законе упоминаются общепризнанные принципы и нормы международного права, которые очевидно, воплощены, в первую очередь, именно в ней.

Приоритетный характер Основного Закона страны подтверждается прежде всего прямым указанием на его высшую юридическую силу и прямое действие, о чем уже говорилось выше. Что же касается принципов и норм международного права, то они признаются постольку, поскольку рассматриваются в Основном Законе в качестве элемента российской правовой системы.

Более того, в отсутствии Основного Закона страны говорить о признании общепризнанных принципов и норм международного права, в том числе и получивших закрепление во Всеобщей декларации, не приходилось бы. То есть именно Конституция является основой, обеспечивающей признание, в том числе, рассматриваемой Декларации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования

01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.

2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Официальный портал ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

3. Аксенов А.Б. Всеобщая декларация прав человека и проблема универсализации прав человека // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 1. С. 59-62.

4. Дроздова А.М., Ревна М.Б. Всеобщая декларация прав человека и ее влияние на правовую систему России // Теория государства и права. 2022. № 3(28). С. 69–81.

5. Исполинов А. Правовой статус Всеобщей декларации прав человека (к 70-летию принятия) // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 4 (125). С. 100–107.

6. Краснова Н.Н. Формирование прав человека в условиях социальных трансформаций и пути их реализации в современном обществе: дис. ... канд. филос. наук. Горно Алтайск, 2022. 221 с.

7. Мушаков В.Е. Права человека в условиях цифровизации общества: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2024. 238 с.

8. Оленев С.Б. Охрана прав и свобод человека и гражданина – принцип российского уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. 203 с.

9. Хубиев Б.Б., Тамазов М.С., Атабиева З.А. Всеобщая декларация прав человека и Конституция РФ: вопросы взаимодействия и оценка сегментов критики правоприменения // Образование и право. 2021. № 12. С. 55–62.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya

01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.

2. Vseobshhaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General'noj Assambleej OON 10.12.1948) // Oficial'nyj portal OON. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

3. Aksenov A.B. Vseobshhaya deklaraciya prav cheloveka i problema universalizacii prav cheloveka // Vestnik e`konomiki, prava i sociologii. 2018. № 1. S. 59-62.

4. Drozdova A.M., Revnova M.B. Vseobshhaya deklaraciya prav cheloveka i ee vliyanie na pravovuyu sistemu Rossii // Teoriya gosudarstva i prava. 2022. № 3 (28). S. 69–81.

5. Ispolinov A. Pravovoj status Vseobshhej deklaracii prav cheloveka (k 70-letiyu prinyatiya) // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2018. № 4 (125). S. 100–107.

6. Krasnova N.N. Formirovanie prav cheloveka v usloviyax social'ny`x transformacij i puti ix realizacii v sovremennom obshhestve: dis. ... kand. filos. nauk. GornoAltajsk, 2022. 221 s.

7. Mushakov V.E. Prava cheloveka v usloviyax cifrovizacii obshhestva: konstitucionno-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. jurid. nauk. Omsk, 2024. 238 s.

8. Olenev S.B. Oxrana prav i svobod cheloveka i grazhdanina – princip rossijskogo ugolovnogogo sudoproizvodstva: dis. ... kand. jurid. nauk. Izhevsk, 2005. 203 s.

9. Xubiev B.B., Tamazov M.S., Atabieva Z.A. Vseobshhaya deklaraciya prav cheloveka i Konstituciya RF: voprosy` vzaimodejstviya i ocenka segmentov kritiki pravoprimeneniya // Obrazovanie i pravo. 2021. № 12. S. 55–62.

Научная статья

УДК 347.965.7

ПРАВО АДВОКАТА НА ГОНОРАР УСПЕХА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

**Вавилин Михаил Владимирович, к.ю.н., Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия, vbelov_jur@outlook.com**

Аннотация

Право адвоката на гонорар успеха – одна из дискуссионных проблем, свойственных и отечественному, и зарубежному законодательству. В статье отражается его проблемность, в том числе подтверждаемая отсутствием общепринятого в мире подхода к решению вопроса о гонораре успеха. Рассматриваются различия в решении вопроса гонорара успеха в зависимости от принадлежности страны к конкретной правовой семье, также описываются основные модели расчета такого гонорара. Опыт же передовых западных стран дает автору возможность для вывода о правильном направлении развития российской адвокатуры, где указанной право было признано сравнительно недавно. Обоснованность гонорара успеха в статье связывается с традиционным для гражданского права принципом свободы договора, а также с идеей справедливости, исходя из которой, труд уместно оплачивать с учетом его результата. Рассматриваются и ограничения, не позволяющие взимать ставку оплаты труда адвоката в зависимости от исхода уголовного дела и дела от административном правонарушении, поддерживаемые автором. Предлагается перенять некоторый зарубежный опыт в условиях российской адвокатуры, установив запрет на согласование гонорара успеха за участие адвоката в бракоразводных процессах и спорах о разделе имущества супругов.

Ключевые слова: адвокатская деятельность, гонорар успеха адвоката, денежное вознаграждение, оплата труда адвоката, результаты труда справедливость

Статья поступила в редакцию 16.05.2025, одобрена после рецензирования 15.06.2025, принята к публикации 19.06.2025.

Original article

THE RIGHT OF A LAWYER TO A SUCCESS FEE IN DOMESTIC AND FOREIGN LEGISLATION

Vavilin Mikhail Vladimirovich, Candidate of Law, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract

The right of a lawyer to a success fee is one of the controversial issues inherent in both domestic and foreign legislation. The article reflects its problematic nature, including the lack of a globally accepted approach to solving the issue of success fees. The differences in solving the issue of the success fee are considered depending on the country's membership in a particular legal family, and the main models for calculating such a fee are also described. The experience of advanced Western countries gives the author the opportunity to conclude about the right direction of development of the Russian legal profession, where this right has been recognized relatively recently. The validity of the success fee in the article is associated with the traditional principle of freedom of contract for civil law, as well as with the idea of fairness, based on which it is appropriate to pay for work based on its result. The author also considers the restrictions that do not allow to charge a lawyer's salary depending on the outcome of the criminal case and the case of an administrative offense, supported by the author. It is proposed to adopt some foreign experience in the conditions of the Russian legal profession by prohibiting the approval of a lawyer's fee for the participation of a lawyer in divorce proceedings and disputes over the division of property of spouses.

Keywords: advocacy, attorney's success fee, monetary remuneration, attorney's pay, labor outcomes, justice

Введение

Вопрос оплаты труда адвоката носит дискуссионный характер и в рамках юридической науки, и в рамках законодательного регулирования. Многие споры по данной проблематике касаются допустимости или недопустимости признания за адвокатом права на получение гонорара успеха, так как взгляды ученых на этот вопрос не отличаются единством. Также единства нет и в подходах, используемых разными государствами в регулировании порядка оплаты труда адвокатов. Если в Российской Федерации право на гонорар успеха адвоката отрицалось ранее и лишь сравнительно недавно стало признаваться применительно к оказанию юридической помощи по отдельным категориям дел, то в некоторых других странах, в частности в Соединенных Штатах Америки, соответствующее право имеет место быть уже давно. Отсюда и интерес к изучению зарубежного опыта относительно правовой регламентации указанного права.

Основная часть

Основной источник законодательных норм, регламентирующих рассматриваемые вопросы – Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [4] (далее – Федеральный закон № 63-ФЗ) – дает представление в целом об особенности оплаты труда адвоката в российских правовых реалиях. Ст. 25 указанного Федерального закона устанавливает ряд требований к соглашению об оказании юридической помощи адвокатом. И исходя из п. 4 данной статьи, среди существенных условий соглашения выступает, в том числе, условие о размере выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь, если таковая носит платный характер.

П. 4.1 рассматриваемой статьи допускает включение в анализируемое соглашение условия, исходя из которого размер выплаты доверителем вознаграждения обуславливается результатом оказания адвокатом юридической помощи. Одновременно с этим устанавливается и запрет на включение такого

условия в соглашение, предполагающего оказание юридической помощи по уголовному делу, а также по делу об административном правонарушении.

То есть российский законодатель создает принципиально различные возможности для извлечения адвокатом материальных благ из его деятельности именно в зависимости от категории дел, по которым оказывает помощь: оказание помощи по делам об административных правонарушениях и уголовным делам в финансовом отношении зачастую оказывается менее выгодным, нежели оказание помощи по гражданским или арбитражным делам.

Думается, что, устанавливая такие ограничения, законодатель учитывал специфику каждой категории дел, в том числе и гарантированное нормами Конституции РФ [1] и УПК РФ [2] право на бесплатную юридическую помощь при уголовном преследовании. В этом случае он стремился минимизировать (в разумных пределах) различия в оплате труда адвокатов, оказывающих помощь по назначению и оказывающих помощь по соглашению.

Вообще весьма спорной представляется оценка как экономического, так и правового значения гонорара успеха применительно к адвокатской практике. Например, О. Грикевич пишет, что «задача «гонорара успеха» состоит в том, чтобы открыть доступ к правосудию тем, кто не может позволить себе оплатить услуги адвокатов и судебные издержки. «Гонорар успеха» создает у адвоката мощную мотивацию работать на результат. Когда клиент платит за каждый час работы, для адвоката не имеет большого экономического значения, устраивает ли клиента итог рассмотрения дела. Наконец, поскольку адвокаты берут на себя финансовый риск судебных разбирательств, количество спекулятивных или безнадежных дел может быть уменьшено» [6].

С обозначенными взглядами можно согласиться только отчасти, ведь действительно, гонорар успеха может способствовать расширению возможностей не вполне состоятельных граждан получать юридическую помощь на платных началах. Однако, при таких условиях у адвоката может возникнуть совершенно иная мотивация: ориентироваться на оказание помощи

лишь наиболее состоятельным доверителям, вести деятельность именно в дорогостоящем сегменте юридических услуг. И хотя законодательство не позволяет адвокату отказываться от принятия на себя обязательств от обратившегося к нему гражданина, в реальной практике имеется масса инструментов для такого отказа.

Но нельзя не согласиться с тем, что почасовая оплата труда адвокатов является куда менее эффективным инструментом повышения адвокатской мотивации, нежели оплата с учётом конкретных результатов. Хотя почасовая оплата в большей степени свойственна западной, прежде всего американской, модели оценки стоимости услуг (помощи); в России же такой подход повсеместно не используется.

Можно, конечно, положительно оценить то обстоятельство, что именно финансовый риск на себя принимает адвокат, берясь за то или иное дело, порученное ему доверителем. В этом смысле адвокат заинтересован наиболее ответственно подойти к выполнению порученной работы. Но, ориентируясь исключительно на гонорар успеха, адвокат может не приниматься за отдельные категории дел, которые являются наиболее сложными, наименее прибыльными, что может способствовать и минимизации случаев обращения в суды с различными сомнительными исками, носящими скорее спекулятивный характер, являющимися во многом безнадёжными [6].

Вопрос как правовой, так и экономической оценки гонорара успеха является крайне неоднозначным. В любом случае применение такого подхода влечёт избирательность адвоката, что не всегда уместно, а зачастую может быть и неправомерно, особенно в сфере уголовного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях. В этом смысле существующий подход российского законодателя, не позволяющий включать в соглашение об оказании юридической помощи условия о гонораре успеха в отдельных делах, видится логичным и во многом социально ориентированным.

В то же время, если адвокат работает за «гонорар успеха», он заинтересован брать только выигрышные дела, не тратя время на проигрышные и сомнительные, тогда как некоторые дела требуют подробного изучения, прежде чем вынести суждение о шансах на успех.

С другой стороны, если рассматривать саму природу соглашения об оказании юридической помощи, носящего гражданско-правовой характер, станет очевидным то, что и на него распространяются и соответствующие принципы гражданского законодательства, в числе которых принцип свободы договора, гарантированный ст. 421 ГК РФ [3], а также предусмотренная ст. 327.1 возможность обуславливать исполнение или неисполнение обязательств «свершением или несовершением одной из сторон обязательства определенных действий либо наступлением иных обстоятельств, предусмотренных договором, в том числе полностью зависящих от воли одной из сторон».

То есть практика использования гонорара успеха имеет не только правовые основания; она в полной мере соответствует принципу справедливости, далеко выходящему за рамки правового регулирования. Это социальная, экономическая, этическая, морально-нравственная ценность, ориентируясь на которую, адвокат получает оплату в зависимости от даваемых доверителю результатов.

Если же имеет место вознаграждение по общему правилу, то реальный результат, значимый для доверителя, не учитывается, и адвокат получает оплату независимо от того, насколько продуктивной оказалась его работа. Но и в этом случае может учитываться масса факторов, в том числе оплат, срочность, объем работ [9, с. 208].

В зарубежной практике не сформировался какой-то общепринятый подход к решению вопроса, касающегося гонорара успеха. Однако законодательство многих стран позволяет в соглашения об оказании юридической помощи включать соответствующие условия. Такие нормы имеются, в частности, в праве США, Канады, Великобритании, Франции, Австралии, Япония. В праве ряда

стран, среди которых Германия, Испания, Италия, Южная Корея, вопросы гонорара успеха решаются с учетом некоторых особенностей [10, с. 179]. Причём наиболее широкую популярность гонорар успеха получил в адвокатской практике США и Великобритании, но и там имеются некоторые ограничения. Например, в рамках семейных и уголовных дел гонорар успеха не оговаривается. В немецкой адвокатской практике применение гонорара успеха в большей мере ограничено, по этой причине отдельные авторы даже полагают, что в Германии, по общему правилу, гонорар успеха запрещён. Во Франции. установлена фиксированная ставка оплаты адвокатского труда, но допустима выплата дополнительного вознаграждения [9, с. 208].

Если рассматривать зарубежные подходы к решению вопроса о гонораре успеха, то можно отметить некоторую закономерность, в зависимости от того, к какой правовой семье принадлежит конкретное государство. В странах англосаксонской правовой семьи принято положительно расценивать гонорар успеха, в странах же романо-германской правовой семьи отношение к гонорару успеха сложилось скорее негативное, во всяком случае, в законодательстве [10, с. 179]. Хотя, если говорить о России, здесь отношение к гонорару успеха меняется в положительном направлении.

Если обобщённо рассматривать опыт стран, где право на гонорар успеха адвоката приветствуется, то условно могут быть выделены несколько моделей его согласования:

- «гонорар успеха» (доля, не зависящая от того, будет ли выигрыш получен в денежном выражении или в виде иных выгод);

- «вероятный гонорар» (гонорар, выплачиваемый только в случае успешного разрешения дела или заключения мирового соглашения с выгодой для клиента);

- «условный гонорар» (заранее согласованная сумма дополнительного вознаграждения, выплачиваемая сверх заранее согласованного гонорара за услуги в случае успешного разрешения дела, включая гонорар под условием «нет

выигрыша, нет оплаты», когда адвокат получает оплату своих услуг и компенсацию понесенных расходов только в случае выигрыша дела [7].

То есть в целом гонорар успеха может быть как дополнением к согласованной твёрдой сумме гонорара, так и единственным средством оплаты адвокатского труда. Во втором случае адвокат сталкивается с риском, что затраченные усилия вовсе не принесут какого-то результата, но использование такого подхода становится приемлемым при наличии у него уверенности в успехе и дефицитном спросе на услуги, в условиях жесткой конкуренции.

Вопрос согласования гонорара успеха в российской адвокатской практике урегулирован не только рассмотренными нами ранее нормами Федерального закона № 63-ФЗ, но и нормами Кодекса профессиональной этики адвоката [5] (далее – КПЭА). Причем особых условий согласования такого гонорара нет, за исключением недопустимости включения условий о нем при оказании помощи по уголовным делам и делам об административных правонарушениях. Однако до 2007 г. тот же Кодекс запрещал согласовывать гонорар успеха.

Примечательно, однако, наличие ограничений в плане процесса обсуждения гонорара, в том числе успеха, и обоснования его размера. П. 3 ч. 2 ст. 15 КПЭА строго запрещает адвокату обсуждать со своим доверителем обоснованность гонораров, взимаемых другими адвокатами. Аналогичного рода запреты имеют место и в законодательстве многих других стран, в том числе в пространстве СНГ [8, с. 45]. Это даёт основание для вывода о том, что вопрос обоснования размера своего гонорара, в том числе гонорара успеха, адвокат с доверителем тоже не может свободно обсуждать. По крайней мере, свой размер гонорара он не может соотносить с размерами гонораров, получаемых другими адвокатами

Заключение

Право адвоката на гонорар успеха в мире регламентируются не одинаково, и не во всех странах признается. При этом существуют разные модели его согласования. В России же законодательство позволяет оговаривать гонорар

успеха в соглашении между адвокатом и доверителем, если адвокатская помощь не касается уголовного дела или дела об административном правонарушении.

В рамках гражданских дел, вне зависимости от их характера и категории, гонорар успеха представляется допустимым российским правом. В зарубежной практике весьма распространён несколько отличный взгляд, в рамках которого, например, по семейно-правовым спорам гонорар успеха недопустим. Такой взгляд на рассматриваемую тему предлагается перенять и российской адвокатуре, установив соответствующий запрет применительно к бракоразводным процессам и делам о разделе имущества супругов. Помимо того, в числе определяющих предлагается предусмотреть принцип разумности при определении гонорара успеха.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (I ч.). Ст. 4921.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
5. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 18.04.2025) // Российская газета. 2005. № 222.

6. Грикевич О. «Гонорар успеха»: а как у них? // Портал Адвокатской газеты. 29.05.2017. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/gonorar-uspekha-a-kak-u-nikh/>
7. Ключеская Н. «Гонорар успеха»: от зарубежного опыта к отечественному // СПС «Гарант». 26.02.2020. URL: <https://www.garant.ru/news/1329251/>
8. Конин В.В. Вправе ли адвокат-защитник обсуждать размер гонорара адвоката - представителя потерпевшего в судебном заседании? // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 1 (43). С. 43-49.
9. Лошкарев А.В., Ширяева А.И. «Гонорар успеха» адвоката: теория и актуальные проблемы правоприменения // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. Vol. 3-1 (54), 2021. С. 207-210.
10. Тимофеева И.В., Снигищенко Е.Ф. Юридический статус «гонорара успеха» // Закон. Право. Государство. 2020. № 4-1(28). С. 178–188.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2001. № 52 (I ch.). St. 4921.
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1994. № 32. St. 3301.
4. Federal`ny`j zakon ot 31.05.2002 N 63-FZ (red. ot 22.04.2024) «Ob advokatskoj deyatel`nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № 23. St. 2102.
5. Kodeks professional`noj e`tiki advokata (prinyat I Vserossijskim s`ezdom advokatov 31.01.2003) (red. ot 18.04.2025) // Rossijskaya gazeta. 2005. № 222.
6. Grikevich O. «Gonorar uspekha»: a kak u nix? // Portal Advokatskoj gazety`. 29.05.2017. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/gonorar-uspekha-a-kak-u-nikh/>

7. Klyucheskaya N. «Gonorar uspexa»: ot zarubezhnogo opy`ta k otechestvennomu // SPS «Garant». 26.02.2020. URL: <https://www.garant.ru/news/1329251/>
8. Konin V.V. Vprave li advokat-zashhitnik obsuzhdat` razmer gonorara advokata - predstavatelya poterpevshego v sudebnom zasedanii? // Sibirskie ugolovno-processual`ny`e i kriminalisticheskie chteniya. 2024. № 1 (43). S. 43-49.
9. Loshkarev A.V., Shiryayeva A.I. «Gonorar uspexa» advokata: teoriya i aktual`ny`e problemy` pravoprimeneniya // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. Vol. 3-1 (54), 2021. S. 207-210.
10. Timofeeva I.V., Snigishhenko E.F. Yuridicheskij status «gonorara uspexa» // Zakon. Pravo. Gosudarstvo. 2020. № 4-1(28). S. 178–188.

CONTENTS

5.1.4. Criminal Law Sciences.....	9
Zhang S. PUBLIC FIGURE AS A VICTIM OF A CRIME UNDER ARTICLE 277 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION	9
Tubes B. ON THE ISSUE OF SUPPLEMENTING ARTICLE 18 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH NORMS ON CARELESS RECIDIVISM OF CRIMES	21
Bogatyrev V.V. PROBLEMS OF REGULATING THE CONTENT OF THE DESCRIPTIVE AND MOTIVATIONAL PART OF THE GUILTY VERDICT ..	31
Khanna V. THE PROBLEM OF COMPLIANCE WITH THE PRINCIPLE OF PRESUMPTION OF INNOCENCE IN THE FRAMEWORK OF A TRIAL IN ABSENTIA IN A CRIMINAL CASE	42
Gavrilchenko Yu.P. CONTROVERSIAL ISSUES OF JUSTIFYING THE USE OF BAIL AS A PREVENTIVE MEASURE IN THE CRIMINAL PROCESS	52
5.1.5. International Legal Sciences	62
Savenok A.L. DIFFICULTIES OF USING NATIONAL CURRENCIES IN INTERNATIONAL SETTLEMENTS	62
Marchuk V.V. FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF BLOGGERS IN RUSSIA AND ABROAD	73
Isayeva K.A. ANALYSIS OF FOREIGN EXPERIENCE IN ESTABLISHING LEGAL RESTRICTIONS ON THE ACTIVITY OF BOOKMAKERS	86
Borodinova T.G. CORRELATION OF THE UNIVERSAL DECLARATION OF HUMAN RIGHTS AND THE BASIC LAW OF THE COUNTRY IN THE NATIONAL LEGAL SYSTEM	98
Vavilin M.V. LAWYER'S RIGHT TO SUCCESS FEE IN DOMESTIC AND FOREIGN LEGISLATION	108